

слоняться

НЕ ПР

МУТНЫЙ ПАССАЖИР

ПАВЛОВСКИЙ
СЕРЁЖА
ВИТАЛЬЕВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТЕХНИКА
ПЛЮС

ТД+

Сереза Павловский
Мутный пассажир (сборник)

«Геликон Плюс»

2014

Павловский С. В.

Мутный пассажир (сборник) / С. В. Павловский — «Геликон Плюс», 2014

Мутный пассажир – это дебютная книга Серёжи Павловского, вобравшая в себя десять трогательных текстов о первой любви, предательстве, крепкой мужской дружбе и одиночестве. Книга написана в жанре современной прозы и повествует о нелёгкой жизни нашего общества с его социально-бытовыми, морально-психологическими и нравственными проблемами.

© Павловский С. В., 2014

© Геликон Плюс, 2014

Содержание

Один Артём, две Жанны, три Наташи и четыре Маши	6
Наташа_один	11
Жанна_один	13
Маша_один	14
Маша_два	15
Маша_три	16
Жанна_два	17
Наташа_два	19
Маша_четыре	20
Наташа_три	21
Неконец	32
Не в ролях:	32
Не в эпизодах:	33
Не прислоняться	35
Всё происходит в квартире Жабиных.	42
Мутный пассажир	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Серге́я Павловский

Мутный пассажир

© Павловский С., текст, 2014.

© «Геликон Плюс», макет, 2014.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Один Артём, две Жанны, три Наташи и четыре Маши *Некомедия*

Я лишился девственности в семнадцать лет с девушкой по имени Алеся. Я тогда учился в колледже на первом курсе.

– Меня зовут Алеся, – представилась она в день нашего знакомства, давая понять, что первая буква в её имени «А», произнося которую она достаточно широко открыла рот.

– В смысле – Олеся? – уточнил я, не понимая – к чему весь этот акцентный выпендрёж с произношением.

– Нет, смерд! – резко отреагировала она. – Меня зовут Алеся. «А», понимаешь? Алеся, твою в дышло!

Я удивлённо поднял брови вверх, покраснел и занервничал. Такой реакции при знакомстве двух ранее не знакомых людей мне видеть ещё не доводилось. Судя по всему, девушке ещё лет в полгода надоело объяснять, что её имя начинается с буквы «А».

– В таком случае, меня зовут Артём, – сделал я жалкую попытку пошутить.

– Артём? – она на меня посмотрела, как на деревенщину. – Артём? – переспросила она громче.

– Да, – я кивнул.

– Гонишь!

– Да, – я снова кивнул.

– Хахаха, Артём, ну ты и Акакий!

– Окакий, – поправил я её, радуясь, что мне удалось разрядить ситуацию.

– Ну пойдём, что ли, Артём, – по-деревенски сказала Алеся, – проводишь меня куда-нибудь, Артём.

Она училась в университете, и то, что я её встретил, было большой удачей для меня. Ещё во время знакомства, обращая внимание на её реакцию, я понял, что она либо практикует БДСМ, либо ещё не знает о том, что ей понравится БДСМ. Уж очень она любила командовать.

Я смотрел на неё, видя в ней верхнюю, госпожу Алесю (наверняка не Алесю, конечно, к слову «госпожа» она бы добавила что-нибудь более экстравагантное), подчиняющую себе каждого подкаблучника и сопляка. Не то, чтобы меня это возбуждало, но это было всяко лучше, чем девушка без опыта и каких-либо пристрастий.

Она была старше меня на два с половиной года, но создавалось ощущение, что на все десять. Я быстро нашёл с ней общий язык.

Уже через две недели нашего знакомства мы сблизились настолько, что она стала трогать меня за гениталии, но себя трогать не разрешала. В БДСМ-фильмах я видел, как госпожи делали так же с рабами: били их, пинали и шлёпали всякий раз, когда они делали что-то не так. Алеся меня не шлёпала, но грубо откидывала мою руку с её ноги, груди или попки, как только я пытался её погладить.

У меня вообще тогда не было никакого опыта подобного рода – чтоб меня кто-то трогал за гениталии или я кого-то. И, исходя из реакции моей подружки на все мои попытки тоже поучаствовать в прелюдии, я решил просто лежать и ничего не делать.

Сам момент моего лишения девственности прошёл, наверное, как и у всех или многих – никак. Если Алеся и не догадалась, что она была у меня первой, то наверняка поняла, что секса в моей жизни было крайне мало. Кто у кого какой по счёту, мы не обсуждали.

С ней я начал любить секс не только в теории, но и в практике. Мне было интересно всё, но я с ней пробовал только то, что нравилось ей, и почти ничего из того, что хотел я. Даже сексом мы занимались только тогда, когда хотела она, и я оказался прав: она была помешана на БДСМ-культуре.

Я считал её отношение ко мне несправедливым. Было видно, что она меня всего лишь использует. Возможно, она попробовала весь секс и для себя определила, какой ей нравится больше. И я был не против её привычек. Но она не давала мне возможности определиться со своими любимыми эпизодами в этом приятном занятии.

Я был способным и быстро научился доставлять ей удовольствие едва ли не любой частью своего тела. Ну и, наверное, немалую роль в моих способностях сыграл тот факт, что она была активно оргазмирующей девушкой.

Постепенно её БДСМ-игры мне начинали надоедать. Одежда нравилась всё меньше, привычки и любимые позиции казались однообразными и скучными, а тандем госпожа/раб раздражал дальше некуда. Одно и то же: принудительный кунилингус, римминг, выполнение приказов, езда верхом. Извините, но это смешно.

Это можно попробовать несколько раз ради интереса, но чрезмерное употребление, как мне казалось, ведёт к безвозвратной деградации личности, бесплодию и атрофии всех мышц.

Уже на тот момент я чувствовал в себе силы к экспромту и импровизации и был уверен, что смог бы ей доставить удовольствие без её излюбленных фишек.

Иногда я оставался у неё ночевать, но мы очень редко занимались сексом на следующее утро – она это не любила.

Мне хотелось попробовать что-то новое, но я пробовал только то, что разрешала она – её любимое.

Один раз мы поругались именно в тот вечер, когда я должен был у неё оставаться на ночь.

– Будешь наказан, раб! – грозно произнесла Алеся.

– Не переигрывай, – сказал я. – У меня нет никакого настроения сейчас играть в твою тухлость.

– Что ты сказал? – она вплотную подошла ко мне.

– Что слышала, моя госпожа со смешным именем Алабама и скудной фантазией, госпожа Алабама, – я хмыкнул, отвернулся и получил сильный удар по почкам.

– Не смей поворачиваться ко мне спиной, когда я с тобой разговариваю, ничтожество! – закричала Алеся, ударив меня.

– Ты чё, дура, что ли? – я схватился за бок и получил звонкую пощёчину.

– Будешь жёстко наказан, раб! – Алеся выглядела устрашающе и была настроена решительно.

Я выпрямился, посмотрел на неё, сильно разозлился и ударил её поддых. Удар вышел не очень сильным, но этого было достаточно, чтобы она сложилась пополам и начала хватать ртом воздух.

– Нравится? – я подошёл к ней ближе. – Дыши, Алесенька! – я помог ей подняться, схватил её за горло и прижал к стене. – А давай, я сегодня буду госпожой, а?

Я ударил её затылком об стену, она ойкнула и начала вырываться, но я был гораздо сильнее.

– Я надену твоё шмотьё, будешь звать меня «госпожа Артемида», а я тебя буду кормить из своего члена, – чуть ли не впервые я схватил её за грудь так, как хотелось мне, и подумал о том, что это хороший шанс потрогать её везде по-своему.

Это напряжение и похотливое желание меня сильно возбудили. Я резко развернул её, силой раздел и грубо изнасиловал, кончив ей прямо в глаза, слегка попав на волосы. Это был жёсткий секс и лучший оргазм за последний месяц.

Надо заметить, что она была сумасшедшей. Во время изнасилования она будто согласилась быть жертвой и совсем не вырывалась, а лежала молча и терпела все издевательства над ней. Мне даже показалось на мгновение, что она что-то затевает.

Потом она встала, сходила в ванную, умылась, затем вернулась в комнату и сказала:

– Уходи!

– Хрен тебе, я никуда не пойду, – я наглед сильнее. – Уже поздно, вдруг со мной что-то случится на улице? Вдруг я отхвачу от кого-нибудь, пока буду идти домой?

Она ничего не ответила. Мы легли спать. Утром я проснулся, как всегда, раньше, посмотрел на свой стояк и решил, что можно было бы повторить вчерашнюю сценку на бис.

Я изнасиловал её ещё сильнее. В этот раз она не выдержала и заплакала, а когда я кончил, она закричала:

– Уходи отсюда! Убирайся! Я не хочу тебя видеть, урод!! Ничтожество!

Она кричала, захлёбываясь слюнями и соплями, поэтому мне слышалось не «ничтожество», а «ничможество». И я только улыбался, решив не участвовать в бессмысленных ссорах и чужих истериках. Мне не хотелось с ней разговаривать, объясняться или просить у неё прощения. Я оделся и ушёл, продолжая чувствовать себя очень хорошо.

Я наконец-то посмотрел на секс с другой стороны, и эта сторона мне понравилась гораздо больше. Дело не в том, что я хотел доминировать всегда и над всеми или насиловать беспомощных тёлочек; мне очень сильно надоело постоянство, и я был твёрдо уверен, что от такой половой жизни я стану импотентом уже к двадцати годам.

Больше с Алесей я не виделся и не слышался.

Наверное, благодаря её позиции и отношению ко мне я не чувствовал к ней вообще ничего. Ну есть и есть. Ну нет и нет. Наше расставание прошло для меня совсем безболезненно. Но за то, что она мне показала секс, я был ей благодарен. Я до сих пор употребляю какие-то выражения, которые перехватил и выпитал от неё, или стараюсь делать что-то так же, как она.

После Алеси я стал намного смелее вести себя с представительницами противоположного пола. Удивительно, но моя следующая любовница появилась у меня гораздо быстрее, чем я думал. Уже через неделю я делал массаж красивой девушке с потрясающими синими глазами по имени Полина.

Я взрослел, умнел и развивался. Шло время, менялись девушки, и я уже себя считал чуть ли не богом любовных утех. Во всяком случае, на фоне своих одноклассников я выглядел гораздо мастеровитее, хотя я не любил хвастаться своими достижениями перед кем бы то ни было. Но слушая их разговоры, отделяя фантазию от опыта, я понимал, что был гораздо успешнее, продвинутое и изобретательнее.

Чаще всего половые действия совершались в моей комнате, и моя мачеха постоянно ворчала, что у нас не квартира, а проходной двор, в который заходит столько разных баб – бордель просто.

– Где ты их находишь, Артём? – удивлённо вопрошала она.

– Мать, я красив, неплохо сложен и вдобавок учусь в колледже, – отвечал я. – В общежитии живёт много красивых девушек, которые приехали сюда получить образование, и любовное в том числе.

– Смотри, не доучись до половых болячек и детей, Казанова/дон Хуан, – улыбалась мама.

– Мамаша, я профессионал, – отвечал я.

Конечно, сейчас я понимаю, что в глазах взрослой женщины выглядел смешно и нелепо со словами «я профессионал», «много девочек-целочек едут учиться в другие города именно за тем, чтоб получить попутно и сексуальное образование на моём члене».

Я рад, что со временем осознал свою позёрскую никчёмность, и рад, что время, когда я так думал, закончилось. Хорошо, что я это только матушке говорил. Ну, может, двум-трём тёлкам ещё, это фигня. Но некоторые сами были не против называть меня Поливатель Вагин. Вернее – повелитель, но я настоял на поливателе, потому что при слове «повелитель» я невольно вспоминал свою первую девушку.

Моя настоящая мама умерла много лет назад – погибла в ДТП: она переходила дорогу в неположенном месте, и её сбил мент, не справившийся с управлением. Мне тогда было четыре года. Я запомнил её странной, она всегда была себе на уме и считала, что всем вокруг не помешало бы поумнеть. Я тогда не понимал эту фразу – себе на уме, я просто так охарактеризовал ею свою маму однажды, и до сих пор, когда я слышу где-нибудь выражение «себе на уме», вспоминаю свою маму.

Через три года после того случая мой папа женился второй раз, прописав свою новую женщину в нашей скромной двушке.

Моя новая мама относилась ко мне хорошо. Наверное, не так, как относилась бы ко мне моя настоящая мама, но жаловаться мне было не на что. Новых детей они с папой не заделали, поэтому я так и остался единственным ребёнком в семье.

У меня продолжали появляться новые девушки, но серьёзных отношений с ними не получалось. Возможно, из-за моего молодого возраста... И я всё так же ничего не чувствовал в моменты расставаний с ними.

Наоборот, это было для меня что-то вроде спорта или азарта: так, надо быстренько найти новую. Но с новыми происходило то же самое, а я всё никак не мог влюбиться. Или даже не разрешал себе влюбиться в них, а им – в себя.

Не сказать, чтоб у меня было так уж много девушек. Мачеха ведь не знала, что сексом я занимался не со всеми, некоторые просто так заходили в гости. Но сексуально неудовлетворённым я себя не чувствовал.

Когда я учился на последнем курсе, у меня умер папа. Он был большим любителем выпить, и его запои иногда достигали пяти недель.

Однажды он перебрал настолько, что у него открылась язва и его стало рвать какой-то чёрной фигнёй. Может, он уголь настаивал в погребе и недодержал? Он упал на пол, схватившись за живот, но дожидаться «скорую» был не в состоянии – чёрный человек освободил его раньше.

Теперь мы с мамой стали жить вдвоём, но понимали, что, по большому счёту, мы друг другу чужие люди, нас ничего уже не связывало, и за двенадцать лет совместного проживания мы так и не сблизились как следует.

Мы решили разменять нашу двухкомнатную квартиру на две МСО. Хотя, возможно, было бы правильнее просто выселить мачеху и отправить её туда, откуда она пришла...

Ну и как только я получил диплом, мы с мачехой разъехались. Теперь я жил один.

– Здравствуй, взрослая жизнь! – сказал я вслух, ходя по пустой комнате своей малосейки из угла в угол.

– А вообще, что такое взрослая жизнь? – думал я. – Я с десяти лет готовлю, мою посуду, стираю, убираюсь и глажу. Я сам хожу по магазинам. Я с восемнадцати лет работаю, а в девятнадцать остался совсем без родителей. То, что у меня теперь есть свой скромный угол, – это всего лишь формальность. Преимущество только в том, что мне не надо будет ждать утром, когда освободится ванная или туалет. Собираться на работу тут, кроме меня, больше никому.

После недолгих размышлений я пришёл к выводу, что «взрослая жизнь» – весьма относительное понятие. По крайней мере, у меня она началась не с появлением собственной квартиры. Или самостоятельная жизнь? В смысле, относительное понятие – «взрослая жизнь в тот момент, когда ты начинаешь жить отдельно от родителей». Или отдельн... Подождите, я запутался!

Я хочу сказать, что я давно уже живу самостоятельно. Я не хвастаюсь и не... Ладно, неважно.

Разве что я впервые серьёзно задумался о том, что надо сделать ремонт. И вторая мысль была – надо на него накопить. А ещё я теперь мог у себя прописать кого угодно и на сколько угодно. Разумеется, девушек. Больше мне ни с кем не надо было договариваться, что у меня кто-нибудь останется на ночь.

Как правильно заметил один мой хороший знакомый, зашедший поздравить меня с новосельем:

– Вот только, Тёма, у тебя появится своя квартира, у тебя тут же появится и женщина.

– Было бы неплохо. Надеюсь, ты прав, – ответил я, восхищаясь его фразой. – Хорошо сказал, друг!

Он оказался прав. Может, вообще, может, только насчёт меня, но к моей малосемейке женщина и правда прилагалась. Только она появилась не тут же, как он уверял, а через полгода. И не одна, а целых девять!

Наташа_один

Я нормально относился ко всем именам: женским, мужским. Но к каждому имени у меня был прикреплён свой стереотип. К примеру, Аня и Лена – почти всегда шлюхи. Можно вызвать десять проституток, четыре из них будут Анями (Энн, Аниютка, Анетта и Аннет), четыре – Ленами (Элен, Елена, Ленулька и Лена_Лена), а две оставшиеся – какими-нибудь Марианнами или Стеллами. (Я никогда не вызывал шлюх, но всегда считал, что так оно и будет.)

Оля – почти всегда задрот, скромняжка и хочет быть просто с парнем. Секс там фигурирует месте на десятом.

Ирина – такая... эээ... Считает, что самая умная, но на деле всегда обламывается.

Таня на людях вечно красуется собой, всем говорит, что она самая лучшая и самая-самая, а про себя, оставшись наедине, всегда думает: «Блин, какое же я чмо».

Евгения хочет иметь член и мечтает отстрапонить всех непослушных.

Я не хочу придерживаться этой идеи (не про Евгению, а вообще – идеи про имена), просто у каждого человека при определённых словах в голове возникают свои ассоциации. Так же и у меня. Ассоциировались только имена, а не люди. По типу: Василий – это диагноз.

Причём стоило только одной представительнице определённого имени в моих глазах облажаться – всё, по-другому я про это имя не думал.

До определённого момента я вообще не хотел заниматься сексом с девушкой, имя которой у меня уже было на слуху. Если когда-то у меня уже была одна Света, второй Свете со мной не везло.

И такой фигнёй я перестал страдать сначала со второй очень красивой Аней, а затем со второй очень красивой Леной.

А ещё я всегда хотел вертеть на своём члене только блондинок. Но сначала я изменил своей идее со второй очень красивой брюнеткой Аней, а затем со второй очень красивой брюнеткой Леной. Теперь понятно, почему эти имена у меня ассоциируются со шлюхами?

После них я стал сноснее относиться к девушкам с другим цветом волос и с именами, которые для меня новыми не являлись. Хотя по-прежнему мечтал перепробовать на вкус как можно больше женских имён, носительницами которых являлись исключительно блондинки.

С Наташей_один я познакомился случайно на работе. Она ошиблась дверью и заглянула не туда – ко мне. Что-то спросила злым тоном, я ответил приветливо, потом что-то ей рассказал, она слегка повеселела, ушла, а потом снова пришла, опять что-то спросила, улыбаясь, как бы ожидая приглашения куда-нибудь в свободное время. Напросилась, дождалась, и я клюнул, потому что у меня ни разу не было блондинки по имени Наталья. Да вообще – ни разу не было девушки с таким именем.

Мы стали иногда проводить время вместе. Было хорошо, да. Она была опытной.

Имя Наталья у меня всегда ассоциировалось со злой и некачественной женщиной. Когда я учился в пятом классе, со мной за партой сидела девочка по имени Наташа. Она была очень красивой девочкой, и я всегда хотел с ней дружить, но не знал, как с ней сблизиться. Уж больно много у неё было ухажёров. Да и сама она была очень высокомерной.

Один раз я пропустил учёбу по болезни и решил ей позвонить, чтоб узнать домашнее задание по нескольким предметам. Я сразу решил, что звонить буду именно ей.

Может, я позвонил не вовремя, может, она по натуре была такой кхм-кхм. Но она сказала, что дневник у неё далеко и ей сейчас некогда заниматься ерундой, в том числе – разговаривать со мной по телефону.

Это был не только удар по яйцам. С того момента все Наташи мне стали казаться злыми и всегда неудовлетворёнными. И в этом я убеждался всякий раз, когда где-нибудь сталкивался с новой Натальей.

Знала бы она, сколько сил мне тогда понадобилось, чтобы ей позвонить. Когда я набирал её номер и звал к телефону Наташу, от волнения чуть в штаны не надул. Бабы – такие бабы, вообще мало что ценят.

Жанна_один

Имя Жанна для меня было очень редким. За всю жизнь мне попадалась только одна особа с таким именем – на втором курсе один семестр у меня вела какой-то мутный и бесполезный предмет молодая и красивая тётя по имени Жанна Алевтиновна. Но она была такой злой и резкой, что вся её молодость и красота мигом скрывались всего лишь за одним железным приветствием: «Здравствуйте, садитесь!»

Когда она начинала говорить, она мгновенно накидывала себе ещё лет эдак пятнадцать. Казалось, такие бабы даже очки носят только для того, чтоб выглядеть строже. Я про себя называл её Жабба Аблевтиновна.

Тогда мне очень хотелось попробовать на вкус зрелую женщину, поэтому я всячески старался заинтересовать её собой, но не обращал внимания на неудачи, потому что видел разницу между своей никчёмностью и её состоятельностью. Я на все сто уверен, что она ничего не поняла и не видела не то что моих намёков и сигналов, даже меня не видела. Но я не жалею, что делал попытки.

А сейчас я вырос, и это желание – заняться сексом со взрослой женщиной – отпало само собой. Хотя у меня всегда по-разному: то молоденькую хочется, то не молоденькую. Но в общем мои ровесницы уже вполне могут считаться взрослыми, зрелыми, спелыми и... какое-нибудь ещё слово сюда надо вспомнить. Ну ладно. Покладистыми?..

Жанна_один была блондинкой, что моментально делало её привлекательной, даже если бы у неё была маленькая грудь, кривые зубы, низкий рост или отсутствие мозгов. Хотя я не сразу привык к её имени, первое время я всегда делал паузу, когда обращался к ней, боясь назвать её Жаббой.

Она была блондинкой, любила гулять, любила читать, любила смотреть, всё любила. Я, конечно, ей сказал, что я тоже всё это люблю. Может, она и не поверила, но зайти в гости охотно согласилась.

Маша_один

К моменту, когда я получал диплом, у меня уже могло быть три Маши, но так получилось, что до сих пор не было ни одной. В разное время мне попадались только три девушки с именем Мария и, что характерно, все с такой большой грудью, что я начинал думать, будто такие фактурные формы бюста есть у каждой Маши на Свете. (Ха-ха.)

Но... это просто какие-то дудочка и кувшинчик, мать их. Либо Надя с маленькой грудью, любящая заниматься сексом всегда и везде (возможно, даже: всегда, со всеми и везде), либо Маша с грудью, где каждая размером с ярко-красный унитаз, но она их даже не покажет.

С одной Машей мне повезло немного больше, чем с остальными. Она была вторая по счёту. Я залезал к ней под кофту, целовал её, она гладила мой член, доводя меня до оргазма, но до секса с ней не доходило. В конце концов я не выдержал и высказал ей своё недовольство:

– Маша! Давай трахаться! – я был зол.

– С какой это стати? – а Маша – спокойна.

– Да сколько можно заниматься ерундой? – я продолжал злиться.

– Какой ерундой? – а Маша была всё так же спокойна.

– Да хватит делать вид, что ты меня не понимаешь, – я уже начал уставать злиться.

– Да что ты от меня хочешь? – а Маша, видимо, начала уставать быть спокойной.

– Ты мне нравишься, я тебе тоже нравлюсь. В чём проблема? – да, в чём проблема?

– С чего ты взял, что ты мне нравишься? – поинтересовалась Маша.

– Ты разрешаешь мне себя целовать, везде трогать, ты даже мне отдрачивала! – воскликнул я.

– Это ничего не значит! – отрезала Маша.

Тут я не нашёл, что сказать, и больше с ней не виделся. Потом была ещё одна Маша, но там было совсем всё плохо. Не внешне, конечно.

Маша_один сильно отличалась от своих предшественниц. Она была высокого роста, с маленькой грудью, рыжими волосами и прямой осанкой.

Когда появилась возможность занять в своих любовницах её, я подумал, что всё нормально. Это же Маша, Маши ведь ещё не было, с Машей можно. Тем более, может, она не как те Маши, у неё же не ярко-красный унитаз под лифоном.

В очередной раз я убедился, что с женской грудью не всё так просто. Сколько раз я смотрел на грудь девушки через кофту, думая, что она прикольная, и разочаровывался, когда ласкал эту же грудь через некоторое время. И наоборот.

Грудь Маши оказалась вполне приличной, и она (Машина грудь, грудь-машина) заново возродила во мне мысль о том, что каждая Маша обладает суперсиськами.

А ещё все Маши должны сказать спасибо Маше_один, потому что благодаря ей я перестал плохо думать об имени Маша. Ну и о самих Машах я тоже своё мнение изменил.

Маша_два

Кому-то это покажется странным, но вторую Машу я встретил в магазине нижнего женского белья. Нет, не «Маша», магазин назывался «Роберт». Шучу. Он назывался «Роберта». Я туда зашёл, потому что мне показалось, там все любят смотреть порно, мастурбировать и драться подушками.

Однажды я проходил мимо этого магазина, раздумывая над тайной женской груди. И я подумал, что эта тайна мне может открыться, если я зайду в магазин нижнего женского белья и изучу непосредственно нижнее женское бельё. Может, даже с сексуальной продавщицей... Вполне возможно, что именно в нём (в бюстгальтере) и крылись не только сиськи, но и загадка с разгадкой.

Я не знаю, как может быть, как не может, по мне так может быть всё. Я не удивился, что Маша_два попросила помочь ей выбрать лифчик. Я с ней был не знаком, но я сам мог легко в магазине обратиться к незнакомой девушке за помощью.

И я подумал, что так бывает: девушка просит помочь ей выбрать нижнее бельё, затем предлагает пойти ко мне и показать, как это всё сидит на ней.

Да, пожалуй, так бывает. У меня же было.

Маша_два не являлась носителем большой груди, не была блондинкой, но она любила БДСМ, по которому я, если честно, успел сильно соскучиться.

Когда мы пришли ко мне домой, оказалось, что нижнее бельё было куплено мне. Раз оно было куплено мне, то и мерить его тоже должен был я. Маша любила БДСМ – всё. Минусов я не увидел, подвохов тоже не увидел и легко примерил кружевные тряпки.

Умно – где ещё находить себе рабов, как не там, куда если заходят парни, то наверняка каждый первый – маленький засранец-онанюга, каждый второй – фетишуга унитазный. А я – каждый второй и каждый первый.

Маша_три

Я помнил всех своих девушек: с кем был секс, с кем его не было, с кем он мог быть, но не было по каким-то причинам. Я не составлял списка своих любовниц, не хранил их фотографий и номеров телефонов, а просто помнил о каждой. И трёх Маш, которые мне отказали, я помнил очень хорошо.

Не надо думать, что я особенно помнил тех девушек, которые мне отказывали (которых тоже было немало). Именно таких девушек я старался забыть как можно скорее, чтоб не терять уверенности при знакомствах с новыми подружками. Но три Маши засели в голове плотно, особенно та, которая может подрочить парню, разрешает ему везде себя потрогать, целует его и гладит, а потом говорит ему, что это ещё не значит, что он ей нравится.

Когда я познакомился с Машей_три, я сразу понял, что судьба возвращает мне должок. Сначала три Маши не дали, а теперь три Маши дали.

Последняя Маша была как на заказ – она не только соответствовала одному из важных критериев по цвету волос, но и подтверждала собой тот самый секс-Машин стереотип – большая грудь.

И хотя у меня уже были две Маши, Маши-блондинки ещё не было. Это было хорошее завершение трилогии «Маша, Манечка, Мария». Я чувствовал себя лучше некуда и больше не злился на предыдущих трёх Маш, начав смотреть на ситуацию с той точки зрения, что судьба долг не вернула, а помогла найти достойных Маш, отложив их (достойных Маш) на более поздний срок.

Предположим, мне было суждено встретить трёх Маш в разное время, и хорошо, но первая партия Маш оказалась бракованной, не подходила мне по каким-то параметрам. Вполне может быть, что они мне отказывали не потому, что я им не нравился, а потому, что их что-то заставляло это делать против их воли. Да. Вот сказал это и понял, что так и есть.

До сих пор не могу поверить, что можно приходить в гости к парню, зажиматься с ним, тереться кожей, а потом отказать, сказав, что всё, что было, ещё не говорит о том, что возможно продолжение.

Поэтому вторая партия Маш оказалась насколько долгожданной, настолько же и желанной.

И, не в обиду будет сказано трём предыдущим Машам, эти намного лучше. Но не исключено, что я так думаю, потому что они со мной...

Жанна_два

- У меня французское имя, это я точно знаю, – заявила Жанна.
- А корни французские есть? – спросил я.
- Вряд ли. Но я учила в школе французский язык. Это считается? – уточнила она.
- Не знаю. А сказать что-нибудь можешь? – поинтересовался я.
- Же мапэль Жанна. Ан, дё, трау, же не се па, – протараторила девушка.
- Это что значит? – спросил я.
- Первое – меня зовут Жанна, потом я посчитала до трёх, а потом... не помню, – пожала плечами Жанна.
- В смысле – переводится «не помню»? – уточнил я.
- Нет, я забыла перевод, не знаю, как переводится, – улыбнулась Жанна. – Ну что, годится?
- Пойдёт. Но для большей уверенности лучше картавь.
- Хаха, хорошо. А ты какой язык учил?
- Немецкий.
- Скажи что-нибудь на нём, – попросила Жанна.
- Да ну, – я заупрямился.
- Ну скажи, я же сказала, – напирала девушка.
- Ладно, только не смейся, – я набрал побольше воздуха в лёгкие, будто сейчас буду рассказывать отрывок из немецкой классики, выдержал паузу и сказал: – Ищъ хайсе Акакий. Становится эс ист кальт.
- Хахаха, – звонко засмеялась Жанна. – Почему – Акакий?
- Акакий по-немецки – Артём, – пошутил я, вспоминая свою первую девушку.
- Да ладно! – продолжала смеяться Жанна. – А второе – что?
- Эс ист кальт – холодно, а как сказать «становится холодно», я не знаю, – ответил я, пряча улыбку.
- Ха-ха-ха, – Жанна смеялась открыто и задорно.
- Да, да, давай, смейся, – я покраснел.
- Извини, я больше не буду, – сказала Жанна и засмеялась ещё громче. – Скажи ещё что-нибудь.
- Нет.
- Ну скажи, у тебя такое классное произношение.
- Ага, от деда досталось, – похвастался я.
- У тебя дед – немец? – удивилась Жанна.
- Не, он во время войны был предателем и сразу перебежал на сторону фашистов, – признался я.
- Правда, что ли? – Жанна стала серьёзной и напряглась.
- Шутка, – я улыбнулся.
- Дурак! – Жанна ударила меня несильно в плечо. – Я поверила.
- А даже если бы это было правдой, я-то тут при чём?
- Не знаю.
- И что тут такого?
- Это для меня большая тема.
- А для меня большая тема – огромный strapon, – я начал хихикать.
- Дурак! – снова обозвала меня Жанна. – Ну скажи ещё что-нибудь, – опять вернулась она к теме иностранных языков. – Я не отстану от тебя, если не скажешь.

– Ладно, ладно, – я задумался, попытался вспомнить, что ещё было на уроках немецкого, и сказал: – Хойте ист дер ниггер мазафака.

– Хахахаха, – ещё громче засмеялась Жанна. – Что ты сейчас сказал?

– Я сказал, что сегодня день ку-клукс-клана, – ответил я.

– А разве «мазафака» – это немецкий? – не поверила девушка.

– Это старонемецкий, – пояснил я.

В общем, идея прикинуться иностранцами из разных стран и встретиться в третьей чужой стране не прокатила, но она была хороша – я оценил. Жанна два мне нравилась хотя бы тем, что она была Жанной – это раз. Было приятно одновременно встречаться с двумя красивыми Жаннами. Я понимал, что девушка с таким именем мне ещё лет двадцать может не встретиться, а то и больше. А два – она любила играть в секс.

Наташа_два

У Натальи_два была сумасшедшая фигура. Она вся была модельной внешности, и я до сих пор не могу поверить, что мне посчастливилось быть с такой красивой девушкой.

Я называл её топ-модель.

– Топ, топ, топ, – говорил я, шагая двумя пальцами руки по её обнажённому телу. – Топ, топ, топ, – проходил я по левому бедру. – Топ, топ, топ, – говорил я, идя по спине. – Топ, топ, топ, – вышагивал я по лопатке. – Топ-топ... модель, – нежно шептал я в её ухо и нежно целовал её шею.

Мне казалось, что с такой девушкой надо всё делать с приставкой «нежно». И сама она вся с приставками «нежно».

Нежные волосы, нежные уши, нежные щёки, нежные губы, нежная шея, нежные плечи, нежная грудь, нежный живот... в смысле – нежный животик, о да. Нежные руки, нежные ноги, нежные ступни, нежные пальцы. Оооооо, какой фут-фетиш.

* * *

На секундочку я однажды задумался и нарисовал схему: «наташа-жанна-маша-маша-маша-жанна-наташа». Это же замкнутый круг! Будто они все специально появились в такой последовательности и что-то затевают. Как будто у меня вообще больше никогда не появится ни одной девушки.

На какое-то время я впал в небольшую депрессию от этого, но все мои опасения разрушила Мария_четыре. Когда она появилась в поле зрения, я был уверен, что это тот самый спасательный круг, с помощью которого можно разорвать мой замкнутый круг. И я сразу же за него схватился. В смысле, за круг схватился. Ну и за него тоже.

Маша_четыре

Теперь я уже точно знал, что Маша – моё любимое имя, а Маша_четыре была чем-то вроде талисмана. Я был со всеми, но когда был с Машей_четыре, то всегда думал: «Что, хотели поймать меня? Не получилось? А потому что хрен вам! Ведь меня охраняет Ангел».

Ангел, конечно, чересчур пафосно и смешно. Талисман – тоже. Пусть будет просто Машка. Можно и Машку за ляжку.

Как бы я про себя её ни называл, всё равно она для меня была чем-то особенным. И на такой волне каждый секс с ней был особенным.

Я считал, что каждый секс с ней являлся для меня спасительным. Особенно тогда, когда случайно получалось, что я, скажем, встречался сначала с Наташей, потом с Жанной, потом с Машей, со второй Машей, с третьей Машей, снова с Жанной и снова с Наташей.

Наташа_три

Наша Ната пошла в НАТО,
вышла – юбочка помята.
вот те нате, не плачь, Ната.
на те листик – это мята.

Вот такие стихи родились у меня, когда я осознал, что к двум Жаннам, четырём Машам и двум Наташам добавилась ещё и третья Наташа. Стих был бездумный и тупой, но я им попытался выразить всё своё недоумение, если так можно сказать.

Естественно, я не стал этот стих рассказывать Наташе_три. (А мог его рассказать аж трём!) Всё-таки мне было бы сложно ей объяснить, почему именно она у меня вызвала такое недоумение. Да и зачем? Не буду же я ей рассказывать, что она девятая. То есть девятая вообще, с кем я периодически провожу время, а Наталья – всего лишь третья. Всего лишь, ага.

Это было уже что-то на грани фантастики. Все они появились с интервалом примерно в две недели. К моменту, когда появилась последняя Наташа, я уже научился считать до девяти и находить время всем.

Я встречался со всеми своими девушками по очереди, не очень задумываясь о том, что будет дальше. Мы же все были типа взрослые, у нас у всех была типа взрослая жизнь. Каждый из нас типа был чем-то занят, поэтому не всегда удавалось провести вместе вечер.

Мне нравилось разнообразие, я к нему стремился, поэтому не хотел думать, что этой я изменяю с этой, а этой – с этой. Но всё равно думал, да и эти измены ничего не значат. Для меня-то, конечно, значат – благодаря такому количеству девушек и сексу я чувствовал себя весьма и весьма уверенно.

Я мог с кем-то не видеться и три недели, а с кем-то мог видеться три дня через три дня. Иногда кто-то мог остаться у меня на выходные. Точного графика не было. Иногда я звонил и приглашал в гости, иногда мне звонили и предлагали встретиться.

* * *

Прошло почти четыре месяца с тех пор, как я познакомился с первой из своих нынешних любовниц. Постепенно я привык к тому, что у меня их было сразу девять. Я никогда не любил отказы, а после Алеси стал их вообще ненавидеть. И теперь, когда у меня появилось из чего выбирать, я особо не переживал, если несколько моих девушек мне в чём-то отказывали.

«Откажет одна, согласится другая!» – это стало моим девизом по жизни.

И до того случая так и происходило, моё эмоциональное состояние было стабильным.

В тот день была хорошая погода, и я чуть ли не в первый раз в своей «взрослой» жизни решил просто прогуляться, просто подышать свежим воздухом и просто поговорить о чём-нибудь с какой-нибудь просто красивой девушкой просто.

Какой именно, мне было всё равно. Я прикинул, кто более разговорчив из всех моих девушек, и позвонил третьей Маше.

– Нет, извини, дорогой, но я сегодня не могу, у меня планы. Давай как-нибудь в другой раз, – немного разочаровала меня Мария.

– Как хочешь, – сказал я и позвонил Жанне.

– Сегодня? Сегодня вряд ли, – сказала Жанна. – На сегодня у меня намечены другие дела. Извини, лап. Ты на меня не обижаешься?

– Как хочешь, – сказал я и позвонил другой Жанне.

– Ой, Артёмка, а я уже гуляю, – сказала она. – Мы с друзьями уехали за город, тут так хорошо: природа, солнышко, свежий воздух. Извини...

– Как хочешь, – сказал я, даже не пытаюсь узнать, почему в числе её друзей не оказалось меня.

– О, нет. Спасибо за приглашение, но я уже сегодня была на улице и очень устала, – пожаловалась мне ещё одна Маша. – Ты не обижаешься, заяц?

– Как хочешь, отдохай, – сказал я.

– Давай завтра, – сказала Наташа, – я сегодня не хочу никуда идти.

– Как хочешь, – я начал слегка нервничать. – А я завтра не хочу никуда идти.

– Я сегодня не могу, красавчик, – легко и непринуждённо отказала мне вторая Наташа.

– Смотри сама, – пробубнил я.

У третьей Наташи и третьей Маши телефоны вообще оказались выключены. Я был сильно раздражён и понимал, что если и последняя Маша мне откажет, я на неё сорвусь и она получит за всех. Я сделал паузу, отдышался, попил водички и позвонил:

– Я занята, потом поговорим, – быстро ответила Маша и отключилась.

– Ааааа! – заорал я от досады и бросил трубку в стену. – Чтоб вас всех!.. – крышка аккумулятора отлетела обратно и чиркнула меня по руке. – Шлюхи!!!! Вот хрен я когда с вами ещё куда-нибудь пойду. Да я вообще хрен с вами когда ещё буду общаться! Я просто сейчас найду себе новых баб, и все дела, – я потёр руку и стал собирать разлетевшийся по всей комнате ни в чём не виноватый телефон.

Я попытался успокоиться и плюнуть на них. Ничего не получилось, моё эмоциональное состояние пошатнулось. Я начал одеваться, намереваясь найти себе новую спутницу прямо на улице. Подойти и познакомиться с первой понравившейся девушкой. Остановился. Посмотрел на себя в зеркало и понял, что сегодня лучше даже не пытаться делать что-то ещё, потому что в случае очередного облома моя самооценка может сильно упасть. Да и много ли я смогу зацепить симпатных блондинок с такой раздражённой рожей?

Я разделся, отключил телефон и принялся смотреть первое попавшееся кино, пытаюсь расслабиться и сосредоточиться на сюжете фильма, стараясь не думать о том, как я сегодня резко упал в топё у всех своих подружек.

Град звонков на меня обрушился через два дня, как только я включил телефон. Звонили все: и те, что отказали, и те, до кого я не дозвонился. На тот момент я уже успокоился и, не пытаюсь набить себе цену, легко соглашался на все их предложения.

Я разрывался и путался, с кем и на когда договорился, но после нескольких уточнений и перезваниваний разобрался и записал на листочек, чтоб не забыть и не перепутать.

Так и не избавившись от обиды до конца, я решил высказать своё недовольство каждой своей девушке при личной встрече. В лицо высказать или даже в лоб. Может, в грудь или живот, или ещё ниже...

Ещё я много думал на выходных и пришёл к выводу, что мне уже начинало надоедать это многожёнство. Я решил отсеять нескольких кандидатов, а может, даже всех, кроме одной. И эту одну я и планировал выбрать именно на этих встречах после того случая.

В общем-то, мне они все нравились, поэтому я не совсем понимал, по каким критериям я их буду отбирать.

У второй Наташи самая лучшая фигура, зато первая Маша любит эксперименты в сексе. Жанна любит спать голой, а вторая Жанна ещё вдобавок любит ходить голой по дому. Третья Наташа и четвёртая Маша любят меня нежно гладить, у третьей Маши самая лучшая грудь,

вдобавок она склонна к лесбийскому сексу. Я даже подумывал её познакомить с кем-нибудь из своих подружек. Вторая Маша – извращенка, без неё мне придётся туго, а первая Наташа – ветеран, я с ней дольше всех, очень к ней привык, и она больше, чем все остальные, проводила со мной время.

В итоге в свой хит-парад из девяти позиций я решил поставить на первое место самую заботливую девушку, в которой максимально бы сочетались все нужные мне качества.

На первое место попала вторая Маша. Признаюсь, она мне немного напоминала Алесю, вполне возможно, именно поэтому я её и поставил на первое место.

Взглянув на список, с кем и когда я встречаюсь, я уточнил, что со второй Машей я увижусь через четыре дня, она была третьей на очереди.

В целом характер этих встреч ничем не должен был отличаться от всех предыдущих, разве что я в какой-то момент стану серьёзным и предложу выйти за меня замуж.

Нет! Я просто стану задавать вопросы типа: «Как думаешь, а у нас с тобой что, любовь или просто так?» Да ну, это мимо. Наверное, лучше на полном серьёзе сказать: «Мне надоело с тобой встречаться раз в месяц, давай будем вместе жить. Наталья Сергеевна, выходи за меня!» Кто согласится, с той и останусь. Как быть, если все согласятся? Да по-любому все не согласятся, они даже не захотели со мной погулять в тёплый ясный день, предпочтя мне неизвестно кого. Кстати, а кого?..

Если согласится самая девятая из списка (первая Наташа)? Ну и хорошо. Она мне, конечно, надоела, но я пересмотрю свою позицию по отношению к ней, если она захочет быть со мной всегда. Четыре месяца – этого достаточно, чтобы понять человека. Запросто уже можно делать предложение.

Может, вообще сказать каждой: «Давай заведём ребёнка»? А если на предложение о свадьбе откликнутся несколько, а не одна? Будет неудобно потом отмазываться. М-да.

И всё-таки, пожалуй, надо шутливым тоном говорить о свадьбе и о ребёнке. Типа: хей, Жанка, а знаешь, что? А выходи за меня замуж! Детей нарожаем кучу...

А что ещё в таких случаях говорят? Выходи за меня, детей нарожаем, будем жить долго и счастливо. Может, уедем? Да ну, уедем – это как-то... это как-то... это как-то... Идиотизм это киношный, вот это как!

Да, надо говорить везде шутливым тоном. Если откажутся, я скажу: «Ха, могла бы и поддержать шутку!» – а если согласятся, я скажу тем, кого потом солью: «С ума сошла, что ли? Я же пошутил. Какие дети, какая свадьба? Я из приличной семьи! Мне ещё нет восемнадцати!»

Для начала надо выяснить, с кем можно попрощаться сейчас. Кто мне откажет, того пошлю, кто согласится, из тех буду дальше выбирать.

Я чуть голову не сломал, пока занимался стратегией. Я пересмотрел кучу вариантов, может, даже все возможные и невозможные. Представил столько всего, что мог бы легко защитить диссертацию по бабам.

Иногда я вспоминал их в исключительно плохом свете, останавливаясь на плохих эпизодах наших отношений. В такие моменты возникали варианты вообще расстаться со всеми и найти новых.

А лучше даже одну новую. Или двух. Нет, трёх. Вот три – самый оптимальный вариант. Девять – перебор, не спорю.

* * *

– Жан, а выходи за меня, – я начал действовать.

– Чего? – засмеялась Наташа.

– Что тут смешного? Выходи за меня замуж, детей нарожаем, будем вместе жить, – смех Маши меня слегка смутил, отчего я перепутал приоритеты местами. Я хотел поставить впереди «будем жить вместе», а только потом «детей нарожаем».

– Нет! Извини, но это серьёзная тема, – ответила Жанна. – Я не могу разговаривать об этом в таком тоне.

– В каком? – я не понимал, что происходит.

– В шутовском! – пояснила Маша.

– А как надо об этом говорить? – я терял свою уверенность с каждым отказом.

– Я бы предпочла другую обстановку, – помолчав, ответила Наташа.

– Что значит – другую?

– Артём, мы только что с тобой трахались, ты вёл себя нормально. Что вдруг с тобой случилось? – Мария внимательно на меня посмотрела.

– Просто так, – растерянно ответил я.

– Вот именно – просто так! – воскликнула Маша. – У тебя всё просто так.

– Нет, вот это было не просто так, – я мямлил, тупил и возвращался в прошлое, теряя опыт. И вот мне снова семнадцать, когда я стесняюсь даже спросить у девушки её имя.

– Ты будто анекдот рассказываешь. Что за шутки? Предложения о замужестве не делают с видом дурачка, тем более – не начинают разговоры о зачатии детей, – вдруг разозлилась Наташа.

– Откуда ты знаешь, с каким видом делают предложения? – я понимал, что мне конец, но продолжал барахтаться и глотать ртом воздух.

– Видишь ли, ты не первый, кто мне делает предложение, – развела руками Жанна.

– Очень жаль, ну и как хочешь, – я быстро терял интерес к этой беседе.

– Вот! Ты сразу сдался!! Сдался и сдулся! – победно закончила Наташа.

– А что мне, тебя уговаривать, что ли? – у меня уже не было никакого настроения говорить об этом.

– Почему – уговаривать? Всего лишь сделать так, чтоб я сама тебя выбрала, – учила меня жизни Маша.

– Ой, ну куда же мне угнаться за всеми твоими мужиками. Выбирай из других, если так часто предлагают выйти замуж, – я уже учился где-то в пятом классе: очень старался выглядеть серьёзным и расчётливо подбирал слова для своего выступления, думая, что именно они лучше всего подходят на это место.

– То есть ты считаешь, что я такая страшная, что меня даже никто не возьмёт замуж? Артём позвал – я должна растаять. Так, да? – по тону мне казалось, что Жанна была уже готова со мной поругаться и расстаться.

– Я не это имел в виду, – да, школьники часто говорят не то, что думают, но ещё чаще они что думают, то и говорят.

– А что ты имел в виду – что я шлюха и у меня четыре Артёма, три Леонида и два Пантелеймона? – Маша уже не на шутку завелась.

– Конечно, нет. Я...

– Вообще-то я уже замужем, чтоб ты ничего там себе не надумал, – притормозила мою бурную фантазию своим признанием Наташа. Или она хвасталась?

– То есть как? – перенесите, пожалуйста, защиту диссертации по бабам на неопределённый срок.

– Вот так, – Маша встала, подошла к своей сумочке, достала оттуда кольцо, надела его на руку и показала мне всю правую пятерню, на безымянном пальце которой блеснула обручалка.

– А я?.. – надо заметить, Алеся таких я-слюнтяев безжалостно straponит.

– А ты... мне с тобой хорошо, – пожала плечами Мария. – Во всяком случае, раньше было хорошо.

– Если ты замужем, зачем тогда я тебе нужен? – я с трудом взял себя в руки.

– Мой брак на грани развода. Мы с мужем уже полгода не занимаемся сексом, просто живём вместе, – спокойно сказала Наташа.

– А я как бы любовник, что ли? – ооо, это уже шестой класс, взрослою, скоро половое созревание начнётся.

– Нет. На твоём фоне мой парень стал любовником, – сказала Жанна. – Я выбирала из вас двоих, но он предложение сделал гораздо интереснее. А жаль, у тебя были все шансы.

– Господи боже мой, давай сменим тему, – жалобно проскулил я, осознав, что всё испортил настолько, что сам себя лишил всех шансов.

– Вот об этом я и говорю. Ты не надёжный, сразу же убегаешь от любых трудностей. Что ты мне можешь дать? – напирала на меня Наташа.

– Не знаю... А что тебе надо? – какой позор. Мне захотелось к маме. На тот свет, что ли?

– Уж всяко не только секс, – хмыкнула Маша.

– Я старательный, я могу не только трахаться, – хотя факты говорили против меня. – А даже если и только секс, у тебя с мужем ведь его всё равно нет.

– Вот поэтому я и прихожу к тебе, – Жанна начала одеваться.

– Так если тебе от меня только секс нужен, зачем мне что-то ещё пытаться сделать, если ты от меня другого не ждёшь? – меня поглощал ядерный ренессанс... ой, нет – ядерный регресс?

– Я женщина, я хочу любви. Ты мне предложил выйти замуж, а я тебе объяснила, что в таком шутовском тоне серьёзно выйти замуж не предлагают, – Маша поправляла причёску перед зеркалом.

– Какая разница, в каком тоне и в какой обстановке предлагают выйти замуж, если первичны в данном случае чувства? – вау, уже девятый класс.

– А они есть? – Наташа посмотрела мне прямо в глаза.

– Кто – они? – я, конечно, понял кто «они», но сказать мне было нечего. Если бы я сказал «да», было бы ещё хуже, потому что я бы соврал и это было бы заметно. А сказать «нет» у меня не хватило смелости. А даже если бы и хватило, наш спор сразу бы потерял весь смысл.

– Чувства! – объяснила Мария. – Ты даже не следишь за своей речью, понятно же, что ты ко мне несерьёзно относишься.

– А может, у тебя и правда ещё тридцать мужиков, из которых ты выбираешь себе нового мужа. Кто типа пройдёт твой тест, за того ты и выйдешь, – я съехал с темы корявей некуда. Всё-таки моё развитие остановилось, и я снова составил компанию Бенджамину.

– Нет, ты совсем меня не чувствуешь. У меня есть только ты и больше никого, – сказала Маша, надевая пальто. – И замуж я не хочу – ещё раз лезть в эту петлю.

– И муж ещё есть, – напомнил я. – Ладно, закрыли тему и проехали, – я уже был готов вспомнить о наследственном алкоголизме и нажраться с горя до алкогольной интоксикации. – Могла бы и раньше сказать о своём замужестве, я бы к тебе иначе относился.

– Даже не зная о моём замужестве, ты меня всё равно будто и не рассматривал как ту единственную, которую искал всю жизнь. В любви ты мне тоже не признавался. Ну и что изменилось, когда ты узнал? Это никакой роли не играет в наших отношениях. А муж... объелся... Не злись, дорогой, – Наталья меня поцеловала и ушла. – Пока, я позвоню.

– Как будто с мужем попрощалась, – сказал я в замочную скважину, надеясь, что они все меня услышат.

Я был растерян и зол. Мне и правда было всё равно, что у них у всех кто-то был. И я почти согласен, что как жёны они мне все не нужны. Но, может, я бы по-другому стал к ним относиться, если бы хоть одна из них сказала «да».

Я в любви не признавался. Да они как-то тоже не особо торопились с признаниями! Вот тупые тёлки, как же с ними сложно. Нет, нет, это я просто облажался, они меня раздавили, превратив в фарш, радостно произнеся: «Вот это шмяк!»

Да, да, точно, по-любому, я даже слышал, как каждая, выйдя за дверь, произнесла: «Вот это шмяк!» Я не гоню, вторая Жанна даже к соседям ломилась, хотела им это рассказать. Если бы сосед ей открыл дверь, она бы ему прямо с порога: «Вот это шмяк!»

Когда мне отказывала Алеся, я запоминал трусы, которые были на мне в момент отказа. Если в этих трусах она мне отказывала три раза, я больше их не надевал, считая, что это несчастливые трусы. И только потом я догадался, что надо было смотреть не на свои трусы, а на её. Я уверен, что она мне отказывала всегда в одних и тех же трусах. Если бы можно было всё вернуть назад, я бы отобрал их у неё и сжёг, может, мы бы до сих пор с ней были сейчас вместе.

В первом классе учительница проходила с нами цифры. Мы учились считать до десяти и складывать два плюс два. На одном уроке наша дорогая учительница сказала:

– Дети, давайте с вами повторим: один да один – сколько будет?

– Дваааааааа! – хором закричал первый «вэ», и только один Артёмка пробубнил: «Одиннадцать».

Затем я удивлённо оглядел весь класс, постепенно начиная думать, что они все тупые идиоты вместе с учительницей. На меня никто не посмотрел.

– Дети, давайте с вами закрепим ещё разочек: один да один – сколько будет?

– Дваааааааааа!! – ещё сильнее закричал первый «вэ», и только один Артёмка ещё громче и раздражённое пробубнил: «Одиннадцать».

Меня снова никто не услышал. Тогда я понял, что вокруг меня одни тупицы, потому что все они из меня делают тупицу.

Давайте говорить конкретно! Если вы хотите проверить мои математические способности и получить два, то надо говорить: «Сколько будет один плюс один?» Если вы хотите проверить моё абстрактное мышление – пожалуйста. Я легко в уме приставлю один к одному и получу на картинке цифру «одиннадцать».

Если ты, Жанна, хочешь, чтобы я стал твоим мужем, так прямо и скажи, не надо ждать, пока я себя проявлю. Я не знаю, чего ты хочешь. Ты приходишь ко мне в гости, занимаешься со мной сексом, иногда живёшь у меня по несколько дней, иногда пропадаешь на две недели, а потом выясняется, что у тебя есть ещё один хрен и ты ждёшь, кто из нас раньше отдуплится, да покрасивее.

Если ты, Наташа, хочешь опираться на меня всю свою жизнь, скажи мне об этом. У меня таких Наташ – три, откуда я знаю, что вам всем надо? Ты приходишь ко мне в гости, занимаешься со мной сексом, иногда живёшь у меня по несколько дней, иногда пропадаешь на три недели, а потом выясняется, что ты замужем.

Если ты, Маша, хочешь, чтобы я сделал что-то такое, чтобы ты сама меня выбрала, так скажи, что мне сделать, чтоб ты развелась со своим мужем и вышла замуж за меня. Что, убить его? Знаешь, а я уже перехотел быть с тобой! Ты приходишь ко мне в гости, занимаешься со мной сексом, иногда живёшь у меня по несколько дней, иногда пропадаешь на какое-то время... Лучше пропади насовсем! На совсемах сейчас хорошо...

Если ты, другая Жанна, общалась со мной ради секса, тогда не надо заводить истерику из-за малейшей шутки. «Выйдешь за меня замуж?» – «Нет, давай лучше ещё разок, я сверху». Всё! Я бы отстал. Ты приходишь ко мне в гости, занимаешься со мной сексом, иногда живёшь у меня по несколько дней, иногда пропадаешь чуть ли не на месяц. Чего ты тогда пропадаешь, если тебе от меня только секс нужен? Приходи каждый день, решим твою проблему! Вы покупаете с Алесей трусы в одном магазине, да? Или Алеся тебе свои трусы одалживает временами? А может, ты за ней донашиваешь её шмотьё?

Если ты, другая Маша, хочешь любви, но ходишь от мужа налево, тебе стоило бы сразу об этом поставить меня в известность, мы бы что-нибудь придумали. Ты приходишь ко мне в гости, занимаешься со мной сексом, иногда живёшь у меня по нескольку дней, иногда пропадаешь на неделю, а потом выясняется, что ты ищешь любви. Так давно бы уже въехала ко мне, и мы бы любили друг друга круглосуточно.

Если ты, другая Наташа, хочешь чувств, так продемонстрируй их сначала сама. У меня таких Наташ – три. Я не могу на всех трахаться! В смысле... это... тратиться! Ты приходишь ко мне в гости, занимаешься со мной сексом, иногда живёшь у меня по нескольку дней, иногда пропадаешь на месяц, а потом выясняется, что у тебя есть муж. Когда ты пропадаешь, ты проверяешь, не очнулся ли твой муж в плане чувственности, или ищешь чувства в другом месте?

Если ты, ещё другая Маша, хочешь, чтоб я к тебе серьёзно относился, то относилась бы ко мне сама серьёзно. Ты приходишь ко мне в гости, занимаешься со мной сексом, иногда живёшь у меня по нескольку дней, иногда пропадаешь, не отвечая на звонки, потом выясняется, что у тебя есть муж, но мне об этом лучше не знать, – ты прелесть.

Если ты, ещё-ещё другая Маша, уверена, что я тебя не чувствую, то... да, ты права, я тебя не чувствую. Ты приходишь ко мне в гости, занимаешься со мной сексом, иногда ночуешь у меня, потом пропадаешь куда-то, не отвечаешь на звонки, а потом выясняется, что у тебя есть муж. Ты чувствуешь это?

Наташа! Да! Она права, они все правы. Я не умею чувствовать, мне плевать. Но лично я считаю, что ты должна была признаться мне, что ты замужем. Да, верно, ничего бы не изменилось, но я бы на себя смотрел по-другому. Ты приходишь ко мне в гости, занимаешься со мной сексом, иногда живёшь у меня по нескольку дней, иногда пропадаешь на несколько дней, а потом выясняется, что у тебя есть муж. Раз уж на то пошло, то я думал, что это я тебе с другими изменяю.

Больше всего меня как раз это и раздражало – меня использовали для того, чтобы изменить со мной своим мужьям. Я всегда думал, что это я изменяю девяти тёлкам с другими девятью тёлками. Или с восемью? Не могу же я одной тёлке изменить с ней же самой. Хотя, погодите, а всё-таки, сколько будет один да один – два или одиннадцать? Измена из меня, из мэна сделала многочлена. Ха!

Вот они все изменяют своим мужьям, потому что у них в личной жизни проблемы, им не хватает секса или он их не устраивает. А я зачем изменял? У меня же всё было хорошо. Всего было в достатке. В моих изменах ведь совсем нет смысла.

Зачем из меня кому-то делать тупицу, если я и есть тупица? Я даже не смог им это всё в глаза высказать. В уши. Лучше всего говорить в уши, тогда тебя точно услышат.

И я всегда думал, что я им чаще отказываю, чем они мне. Нет! Я точно не тупой, уж я-то знаю. Если бы я был тупым, я бы даже не понял, что я тупой.

Я стал вспоминать, как я со всеми познакомился. И сейчас я смотрел на эти знакомства с позиции, что это меня кадрили, клеили, цепляли и разводили. А я, как шлюха, радовался новым знакомствам и половым связям, считая себя самым обаятельным и привлекательным.

Ну правда, так же не бывает. Наташа_один случайно зашла ко мне на работу, ошибившись дверью. Жанна_один подошла узнать, который час. Маша_один попросила помочь донести тяжёлые сумки. Маша_два попросила помочь выбрать себе, мне то есть, нижнее бельё, хехе. Клёво тогда было. Маша_три сама мне помогла занести тяжёлые сумки – придержала дверь в подъезде. Жанна_два налетела на меня на улице. Наташа_два... а на неё я налетел на улице. Маша_четыре... а как появилась Маша_четыре? Кажется, она ошиблась номером – не туда попала. Наташа_три попросила проводить её по какому-то там адресу.

Ну да, странно, конечно, что они все так легко мне отделились. А почему странно? Я же красив и неплохо сложен. Но... почему не бывает? У меня же было! Возможно всё. Всё это только в очередной раз доказывает, что возможно всё.

Я вдруг вспомнил, что в колледже девчонки меня называли между собой вибратором. Да, как-то этот факт совсем вылетел у меня из головы. Тогда я гордился этим прозвищем, а теперь понимаю, что я был способен только удовлетворять. А что изменилось сейчас?

Я твёрдо решил сегодня напиться, а потом сделать себе на груди татуировку: «За девятью бабами погонишься, онанистом станешь». А на спине решил наколоть: «Артём + Алеся = один да раз».

Я начал искать в карманах деньги на алкоголь, но наткнулся на листочек со списком моих встреч, где было указано, с кем и когда именно я должен был встретиться. Я остановился и задумался.

Может, стоит показать этот листок всем моим девушкам? Я тоже должен повредничать. Раз они такие умные, пусть знают, что я ещё умнее.

Я сделаю девять копий и разошлю им... А оригинал оставлю себе на память! Нет, лучше каждой вручить лично или собрать их всех в одном месте, дать девять экземпляров первой и сказать: «Передай остальным!» Да ну, они тупые, они всю пачку начнут гонять по рукам, передавая друг другу по кругу.

А что, если... Эффект внезапности!! Я дам каждой ключ от своей квартиры, скажу, чтобы все они пришли в определённое время ко мне домой. Если я не открою, пусть откроют дверь сами и войдут. Я положу листок на видное место, а сам спрячусь и подожду, пока они все зайдут. Потом выскочу и, такой, типа:

– Ага! Видали, какой я лох?! Даже ничего оригинального не могу придумать...

Конечно, я понимал, что, если я это проверну, с ними у меня уже больше ничего никогда не будет. Но ведь и не факт, что что-то будет, если я буду ждать, пока хотя бы одна из них мне позвонит или придёт в гости. Надо быстро действовать, иначе момент уйдёт – и всё. Это будет означать, что они все меня победили. Они все будут знать, что использовали меня в своих целях. А это не так. И надо им сказать об этом. Что называется, тонко намекнуть.

А что, если, пока я буду прятаться, одна из них уйдёт, не дождавшись? Не надо прятаться. Надо просто стоять и молчать, они все будут заходить, а я буду молчать, они будут всё заходить, а я буду молчать и смотреть на них удивлённым взглядом.

– Жанна? Вторая Маша? Третья Наташа? И четвёртая Маша здесь? Я что, договорился с вами в один день на одно время? Вот это я спалился!! Хахаха.

Вот-вот, так я и сделаю. Я самовозгорелся от этой мысли и принялся осуществлять свою идею.

Два экземпляра ключа у меня были в комплекте, я сделал восемь дубликатов, чтобы у меня остался один запасной. Теперь надо было как-то заманить к себе домой роту тёлочек.

Я подумал, что мне надо прикинуться грустным, что у меня депрессия, мне очень плохо. Если я надавлю на жалость, вполне возможно, что они все прибегут как раз в одно время. А ещё они могут легко отказаться и не принять от меня ключи.

Сначала надо было хотя бы их раздать. Чтобы справиться с этим заданием, я и решил сделать вид, что болею. Пусть приходят и ухаживают за мной. Ключи я намеревался вручить им, придя к ним на работы.

Я выбрал середину недели – среду. Это для того, чтобы до выходных совсем уж определиться на их счёт. Всё-таки я втайне надеялся, что кто-нибудь из них после этого останется. А если нет, тогда на выходных пойду знакомиться с красивыми блондиночками.

Ещё важная деталь! Они не все приходили вовремя. Вторая Жанна стабильно опаздывала на двадцать минут, первая Наташа могла прийти на пять минут раньше, Третья Маша опаздывала всегда на несколько минут: пять или десять. Это нужно было учесть, потому что будет тупо, если восемь придут, а я буду нервно поглядывать на часы и постоянно повторять: «Минутку, ещё одну минутку, скоро должна подойти Жанна!»

Попутно я ещё прикинул, кого приглашать без двадцати шесть, а кого в пять минут седьмого.

Чтоб выглядеть больным, я урезал себе питание и несколько дней почти ничего не ел. Я настолько вжился в образ человека, съедаемого хандрой, что даже сам начал верить, что у меня всё плохо, и взял больничный на работе.

* * *

- Привет, извини, что пришёл без приглашения, – начал я.
- Артём? Что случилось? Ты так похудел, – воскликнули девушки.
- Да, что-то неважно себя чувствую, – я специально говорил тише. – Голова болит.
- Так тебе надо домой, полежать, – похоже, они и правда беспокоились за меня.
- Да, сейчас пойду...
- Я тебе звонила, почему не отвечал? – девушки будто пошли в наступление.
- Я не знаю, где мой телефон, он куда-то за диван упал, – ляпнул я первое, что пришло в голову. – Лучше звони на городской.
- А зачем ты пришёл? – девушки наконец-то вернулись к сути.
- Просто хотел тебя увидеть, соскучился.
- Я тоже соскучилась, – ответили девушки.
- Я ещё кое-что тебе принёс, – начал я, доставая ключ из кармана.
- Что?
- Вот, – я протянул его всем.
- Это что, ключ от твоей квартиры?
- Нет, это ключ от моего сердца, – пошутил я. – Да, от квартиры.
- Зачем?
- Просто хочу, чтоб он у тебя был, если ты вдруг захочешь прийти ко мне в любое время.
- Аээ, хорошо, – получилось. Они взяли!
- Ты ведь придёшь ещё? – спросил я.
- Да, конечно, – кивнули девушки.
- Когда? – я сделал такую жалобную гримасу, что даже испугался – вдруг сегодня все придут.
- Могу на днях, – сказали девушки.
- Давай. Как насчёт среды, в шесть?
- Хорошо, почему именно в шесть? – согласились девушки, поинтересовавшись.
- А почему именно среда?
- Ты сам среду выбрал, – напомнили девушки.
- Где среда, там и шесть, тридцать шесть – выздоровление, – начал я нести чушь.
- Тебе совсем плохо? – ужаснулись девушки.
- Среда, в шесть! Если я буду не в состоянии открыть дверь, заходи сама, воспользовавшись ключом, – закончил я.
- Хорошо, иди домой и лечись, я позвоню, – сказали девушки и поцеловали меня.

Поговорив предварительно с каждой по телефону, я ещё раз напомнил, что жду их в шесть часов вечера в среду, и попросил каждую не опаздывать.

* * *

Я прибрался дома, всё вымыл, проветрил как следует и подготовил своё помещение к такому количеству гостей.

В самый последний момент я снова начал прокручивать в голове свой план и подумал, что не знаю, что делать, если они все придут и посмотрят друг на друга. Ну и что? Что я им скажу?

– Дамы, познакомьтесь друг с другом! Познакомились? А теперь давайте устроим оргию!

На часах уже было без двадцати шесть, и всё отменять было поздно. Я заметался по комнате, придумывая что-нибудь новое. Несколько дней назад моя гениальная идея мне не казалась такой простецкой и тупой.

Я заматывался в штору, залезал под диван, прятался в туалете, в шкафу, но всё это было не то. В противном случае коварная месть не то что могла бы не состояться, наоборот – я мог выглядеть ещё смешнее, чем в последнюю нашу встречу. В смысле – когда я предлагал выйти за меня замуж.

Нужно было более эффектное появление. Спрятаться у меня было особо некуда, все возможные места я уже обнюхал сто тыщ миллионов раз. Я снова осмотрел свою комнату, поднял голову на потолок и присмотрелся к люстре.

Свет ведь будет выключен, первая зашедшая его включит и не сразу обратит внимание на детали. Она только увидит меня якобы повешенным и заорёт. Ну вот, вот оно! Вот оно!

Я начал поиски верёвки.

Ну заорёт она. А когда вторая придёт, что мне делать? Договариваться с каждой пришедшей, чтоб подыграли следующей? А может, вместе сразу четыре придут. Ещё неизвестно, какая у них будет реакция.

– Можно накинуть петлю на крепление люстры, – рассуждал я про себя, осматривая свой осветительный прибор, наматывая верёвку на свою руку и снова её разматывая. – Я вставлю шею в петлю и, как только дверь начнёт открываться, слегка присяду, чтобы создалось ощущение, что я мёртв. Можно даже язык высунуть и штанину намочить...

Да! А листок оставить на полке возле двери – вместо предсмертной записки. Только вот если люстра плохо закреплена, я упаду ведь. А с другой стороны – она может быть настолько хорошо закреплена, что троих сможет выдержать. И если так, я ещё своих баб на ней смогу покатасть. Даже на дверных ручках умудряются вешаться.

Поставив стул прямо под люстрой, я привязал к ней верёвку с петлёй. Затем выложил листок на полку и вернулся в комнату. Часы показывали без пяти минут шесть. Я сильно волновался и жалел, что не придумал это раньше, потому что тогда я бы мог попробовать и отрепетировать всё как следует.

Я взглянул ещё раз на часы, задержал дыхание и перестал шевелиться. Через полминуты на лестничной клетке послышались шаги. Я быстро выключил везде свет, шустро запрыгнул на стул, забыв намочить штанину, влез в петлю и, не удержав равновесие, начал заваливаться на бок.

Стул подо мной зашатался и упал. Я повис на своей удавке, хватая руками петлю, пытаюсь не дать ей затянуться.

В подъезде послышались голоса – пришли соседи. У меня зазвонил домашний телефон. Я барахтался, вися на своей люстре, пытаюсь нащупать ногами что-нибудь твёрдое, и одновременно старался раскачиваться, чтобы своей массой вырвать люстру с корнями и упасть вместе с ней или чтобы она упала вслед за мной на меня – не принципиально.

– Привет, это Артём! Я сейчас либо очень занят, либо меня нет дома. Если что-то срочное, вы можете оставить своё сообщение после сигнала, – заговорил мой автоответчик.

– Артём, привет! Это Жанна. Мне очень жаль, но я сегодня не смогу к тебе прийти. Но я очень хочу тебя увидеть. Зайду завтра, не сердись. Выздыхай, – изобразила она картавую дуру-француженку и хихикнула. – Целую.

– Хаааааааааааа, – еле слышно выдохнул я, высывая язык, болтая ногами. Больше я ничего сказать не мог.

Через несколько секунд телефон зазвонил снова. Я его уже не слушал, я терял сознание, думая, что я очень плохой стратег, а люстра прикреплена на совесть.

Мне стало не по себе, оттого что мой план, возможно, не сработает совсем, и я почувствовал:

злость – потому что у меня никогда ничего не получается сделать так, как я хочу;

страх – все всё поймут неправильно;

веселье – ну я и лох, так облажался;

обиду – тупые бабы, хоть бы раз сделали что-нибудь так, как их просят;

сожаление – я даже ни разу никому не соврал о том, что люблю...

Последнее, что я почувствовал, – я наконец-то почувствовал.

При мне автоответчик записал ещё четыре сообщения.

Неконец

Не в ролях:

Артём – Ревдит Иванов
Наташа_один – Райтия Петрова
Наташа_два – Волга Глебова
Наташа_три – Гипотенуза Гранатова
Жанна_один – Турбина Иккова
Жанна_два – Изумруда Григорьева
Маша_один – Владикатра Питекантропова
Маша_два – Нинель Игнатова
Маша_три – Роблена Ремизанова
Маша_четыре – Радиана Прохорова
Алеся – Гвоздика Фёдорова
Мачеха Артёма – Дрезина Алексеева
Папа Артёма – Гласп Попов
Друг Артёма – Догнат-Перегнат Петухов
Жанна Алевтиновна – Глафира Кузнецова
Три Маши, которые не дали, – Маша Д., Маша Л., Маша А. (дрочи левой активнее)
Наша дорогая учительница – Алгебрина Углова

Не в эпизодах:

Кондрат, Потап, Тмаара, Атху, Акакий, Мама Артёма, мент поганый, первый «вэ» и др.

сцена после титров

- Он мне предложил выйти замуж.
- И мне.
- Мне ещё предложил детей нарожать.
- Мне тоже.
- Ага.
- Да-да, мне тоже предложил, так по-дурачки.
- Да уж, это точно.
- Сказал: «Эй, Наташка, а выходи за меня замуж, детей нарожаем».
- Ха-ха-ха, мне точно так же сказал.
- Да, и мне, у тебя классно получилось его изобразить.
- Я отказалась.
- Я тоже отказалась.
- А я хотела сначала согласиться, но он такой дурак. И я не смогла ему признаться, что замужем. Сказала, что у меня есть парень.
- Да правильно, на фиг он нужен. Я тоже отказалась и показала кольцо.
- И я кольцо показала.
- Ха, я тоже достала из сумочки и надела на палец.
- Мне вообще сложно представить бабу, которая бы согласилась выйти за него замуж.
- Да их в природе не существует. За таких дебилов не выходят.
- Да ну, ещё не за таких выходят, просто он странный.
- Да он больше тупой, чем странный.
- Ну так, да, туповат. Но зато в постели хорош.
- Оооо, согласна.
- Он подарил мне с неба звезду. Ха-ха-ха.
- Ха-ха-ха.
- Ха-ха-ха-ха.
- Ха-ха-ха.
- Хе-хе-хе-хе.
- Ха-ха, это его единственное положительное качество.
- Да, молодец, Наташка. И правда, как вибратор – работает на износ.
- Ха-ха-ха.
- Я же говорила, что он не только на блондинок ведётся.
- Неудивительно, что он меня даже не вспомнил, когда мы случайно встретились.
- Зато теперь долго не забудет.
- Кстати, а мне он ещё дал ключ от своей квартиры.
- Да, мне тоже, припёрся на работу, изображал из себя больного.
- Лично я не очень поверила, что он заболел.
- Неубедительно сыграл.
- Мне тоже ключ дал от своей квартиры.
- Он всех пригласил к себе в среду в шесть?
- Да!
- Да!

- Да, и сказал, чтоб я сама открыла дверь.
- Да! Мне так же сказал.
- А меня пригласил на без двадцати шесть. Это он так намекнул, что я всегда опаздываю, что ли?
- Меня – без десяти шесть.
- А меня – в пять минут седьмого.
- Ха!
- Да! Ну что уж там, плохой стратег – хороший ё...
- Фу, Жанна!
- А что я такого сказала? Я молчу.
- Хе-хе-хе, и я молчу.
- А давайте придём все вместе и завалимся к нему, весело обсуждая его член.
- Ха-ха-ха.
- Да ну, это некрасиво.
- Давайте лучше зайдём, прикинемся незнакомыми и начнём кричать на него, что он бабник.
- Ой, да ну.
- А давайте вообще не пойдём!
- Давайте!
- А давайте все ему позвоним ровно в шесть и скажем, что мы сегодня не можем прийти.
- Да, давайте, – сказала девять голосов.

Или восемь?

2010 год

Не прислоняться

Сегодняшний рабочий день был тяжёлым и очень нудным. Тянулся еле-еле и даже не думал заканчиваться.

Женя себя плохо чувствовал с первой минуты как проснулся. Слабость не давала сосредоточиться и хорошо настроиться на работу. Полдня в его голове вертелась только одна мысль: «Не выспишься – весь день ходишь как зомби, переспшишь – всё равно лицо какое-то кривое».

Вялое состояние не отпускало. Сегодня он работал вечером.

Как только он заступил на смену, мысль о «не выспишься/переспшишь» сменилась на «поскорее бы домой».

Рабочее время тянулось медленно, и всего лишь за несколько часов до окончания своей смены Женя сбил человека.

Женя работает машинистом электропоезда в метро. Ему двадцать один год.

Он ничего не мог поделать. Вялое состояние сменилось шоком, а в голове сразу же повис вопрос: «Почему именно я сбил этого человека?»

– Ну вот, теперь можно и мне начинать рисовать звёздочки на двери кабины, – еле слышно пошутил Женя.

У отца Андрея были кавказские корни. Андрею они тоже достались, но это было заметно только внешне. Фамилия, имя и отчество у него были русские, как и он сам, а на родине папных предков Андрею быть не доводилось, равно как и его папе.

Сегодня он с отцом ехал домой с дня рождения родственника. Там они хорошо выпили, но, покинув место веселья, останавливаться не собирались – по дороге к метро взяли ещё две бутылки водки. Ехать нужно было с одного конца немаленькой ветки на другой.

Войдя в метро, они сразу же начали привлекать к себе внимание масс, напролом пройдя турникет.

Был уже вечер. Попав в вагон, они усадились на свободные места прямо под надписью «Места для инвалидов, лиц пожилого возраста и пассажиров с детьми». Отец Андрея – Владимир, человек пенсионного возраста – грубо подвинул собой какую-то молодую пассажирку и добавил, дыхнув перегаром ей в лицо: «Ну-ка подвинься!»

– Куда? – нагло спросила оскорблённая девушка. – Мне и так уже неудобно.

– Радость моя! – громко начал выпивший Владимир. – Неудобно срать в почтовый ящик! – с этими словами он и вовсе прижал недовольную девушку к металлической перегородке и открыл первую бутылку.

Затем повернулся к сыну и стал говорить ему что-то медленно, громко и без остановки. Сам Андрей смотрел в пол, молчал и отхлёбывал из горлышка бутылки, переданной родителем.

Первый раз я побывал в метро в двадцать два года. Я сразу же оценил масштабы советского строительства и был сильно впечатлён.

Мне с детства нравилась железная дорога. Я всегда мечтал там работать, поэтому после школы я пошёл учиться именно туда, где обучают строительству железных дорог.

Получив железнодорожное образование, я не смог устроиться работать на железную дорогу. Там всё сложно и коряво получилось. Обидно.

Потом я уехал из своего маленького города в поисках лучшей жизни.

И промахнулся. Попал впросак.

Имея небольшие знакомства в большом городе, я мотаюсь с квартиры на квартиру. Своего места у меня нет до сих пор. Несколько ночей здесь, несколько ночей там. Работу я тоже пока не нашёл, да особо и не искал.

Самым моим любимым занятием на данный момент является бездумное катание по разным веткам метро. А сегодня у меня нет денег, чтобы пройти через турникет и спуститься вниз.

Я скромно встал возле входа и начал считать тех, кто перепрыгивает главное препятствие или проходит с кем-то за спиной, не собираясь платить за проезд.

Я надеюсь, у меня тоже хватит смелонаглости и сегодня я покатаюсь.

Среагировал Женя мгновенно – применил экстренное торможение, но наезда избежать он всё равно не смог.

Наезд произошёл прямо возле станции. Движение на этом перегоне было остановлено почти на час. Пострадавшего, от которого сильно несло перегаром, удалось извлечь из-под вагона поезда через двадцать шесть минут. Его тело было сильно изуродовано. Скорее всего, пьяный мужчина спрыгнул вниз, чтобы справить нужду. Это было основное и, похоже, единственное объяснение происшедшему, да и то было нелогичным.

Имелось ли при этом поражение электрическим током, возможное при контакте с силовым рельсом, даст заключение экспертиза, проведение которой будет существенно затруднено сильными повреждениями тела.

В связи с этим чрезвычайным происшествием остальные поезда стали идти с увеличенными интервалами. Из станционных репродукторов транслировалось обращение к пассажирам: «По техническим причинам просим пользоваться наземным транспортом».

Женя не знал, куда деть руки: постоянно расстёгивал и застёгивал верхнюю пуговицу рубашки. Он первый раз в жизни увидел труп. Ему стало плохо. Он отвернул голову, но образ пострадавшего (кровь, кишки, неестественная поза и каша из человеческого тела) всё равно не исчезал и прочно засел в сознании.

Брать на себя жизнь этого несчастного очень не хотелось. Так или иначе, но свой счёт он открыл.

– Я же... Вы же... А потом... Всё понятно, всё путём – никаких вопросов, – громко возмущался Владимир.

Язык у него уже сильно заплетался. Он замолчал, повернул голову налево, потом направо, потом схватил сына за руку и проорал: «Да поебать!»

Андрей вырвал свою руку и произнёс так же, еле ворочая языком: «Батя, успокойся, всё нормально».

– Это мои вопросы, всё нормально, Андрюша. Я же... ты пойми... Я же хочу, чтобы у тебя всё в жизни было. А ты сидишь тут, будто тебе ничего не надо.

– Да нормально у меня всё, батя.

– Ты – мальчишка! Ну-ка сядь!

– Сижу я, успокойся.

– Не успокойся мне, а понятно! На, выпей, – он протянул Андрею бутылку.

Андрей скривил лицо, отодвинул руку отца с бутылкой и добавил:

– Мне уже хватит.

– Я сказал – выпей! – заорал Владимир. – Плевать ему всё, ишь, мальчишка нашёлся тут. Ты мальчишка ещё, слабак! Вы все против меня. Давай, ты думаешь, я зассал, что ли? Да мне... кх!.. – Владимир закашлял. – Я один...кх... вас всех...кх-кх... здесь порву. Давай, подходи.

Чего ты? Мальчишка! – пьяный мужчина громко закашлял и стал сплёвывать на пол вагона.

– Слышь, парень. Это твой отец? – обратился кто-то из пассажиров к Андрею.

– Мой, – кивнул тот.

– Успокой его, пока я вас обоих на следующей станции не ссадил.

– Да, потише там можно? – послышался ещё чей-то голос из-за чьей-то спины.

– Чего ты? – Владимир грозно посмотрел на пассажиров.

- Батя, блядь! Ну-ка успокойся! – крикнул Андрей.
– Это мои вопросы, – Владимир ещё отпил из бутылки и замолчал.

Меня зарубил отоларинголог. Аудиограмма выявила снижение слуха, он сказал, что я совсем глухой, и не выпустил меня на путь. Мол, я не услышу сигналов поезда или криков работников дороги о приближающемся поезде. Я могу подвергнуть опасности свою жизнь и жизни рабочих бригады. Можно подумать, кто-то может не услышать сигнал поезда.

В итоге все мои знания строительства железных дорог в теории и остались. На практике мне их применить не дали.

Кто-то мечтает с детства стать лётчиком, кто-то моряком. Я всегда хотел работать на железной дороге. Я провёл там всё детство, мне нравилось гулять по путям, пинать гнутые костыли и сбитые противоугоны.

Попав в метро, я по-новому взглянул на тандем дорога+поезд. Я могу подолгу стоять у края платформы и смотреть на рельсы, шпалы и крепления, пока не подойдёт поезд. Потом он уезжает, а я снова начинаю пялиться на рельсошпальную решётку. На меня постоянно косятся другие пассажиры.

Когда я еду в вагоне метро, постоянно смотрю в окно. Если есть возможность разглядеть соседний путь, я сразу обращаю внимание на эпюру шпал.

Может, я бы даже занялся сексом со всей железной дорогой. Просто лёг бы внутрь колеи лицом, держась руками за головки рельсов, и стал бы делать возвратно-поступательные движения в шпальный ящик, пока не кончил бы. Потом перешёл бы на несколько шагов вперёд и снова бы лёг. И так бы я прошёл много-много тысяч километров пути, пока не трахнул бы всю железную дорогу в своей стране.

От этих мыслей на моём лице появилась широкая улыбка. Я снова стал считать людей, которые отказывались платить за проезд.

Домой Женя попал поздно. Намного позднее, чем обычно.

Он написал рапорт.

Его работу проверили по камерам наблюдения.

Он не допустил никаких ошибок: на работу заступил трезвым, не превысил нигде скорость, выполнял все требования техники безопасности, а стало быть – не виноват в происшедшем.

В работе машиниста от сонного состояния могут спасти семечки, конфеты и сигареты.

Но Женю всегда спасали небольшие упражнения на перегоне, под зеленый сигнал светофора – он вставал и вытягивал руки, разминал шею и поясницу.

Может, сигаретами и можно спастись, только Женя не курил.

– Баран, не мог в холодную воду башню окунуть, – ругал он себя вслух по дороге домой. – Теперь буду всегда с собой бочку ледяной воды таскать. Приспичило тебе поссать, да? – обращался он уже к умершему. – А перешёл бы на другую платформу, там бы ссал, тогда бы не я тебя сбил. Ладно, хрен с тобой. Спрыгнул ты на мой путь, но почему прямо перед моим поездом? Не мог спрыгнуть на минуту позже? Если уж тебе так хотелось, хрен ли ты, сука, на пять минут раньше не спрыгнул, а? Козёл! И вообще – мозг-то есть – на путях ссать? Вышел бы из метро, на улице бы поссал. Да хоть на колонну, хоть на дежурного по эскалатору. Мудак!

– Женя, ты чего так поздно?

– Мама, я сегодня сбил человека, – прямо с порога, снимая куртку, обречённо сказал Женя.

– Что?

Станция.

– Ааапчхи... тьфу! – громко чихнул Владимир и забрызгал своими слюнями ноги пассажиров вагона. – Апчхиаааааа, Апчхиаааааааа... Апчхиааааааааа... да что ты будешь делать... Ааааааапчхиаааа, бляха-муха, – у Владимира из носа свесились сопли, он качался и продолжал чихать и плевать.

– Господи, меня сейчас вырвет. Уберите его кто-нибудь. Смотреть противно, – послышался голос вблизи от Владимира.

– Батя, вытри сопли с лица, – сказал Андрей своему отцу.

Владимир вытер сопли рукавом, размазав их по лицу и своей же куртке, но приступ чихания не прекратился.

– Ааапчхиаааа... кха-кха-кха... ой, бля. Ааааапчхиа... апчхиаааа... тьфу!

– Фу, кошмар, – стал возмущаться кто-то ещё.

– Аапчхиаааа... Ааапчхиаааа... Ааааааапчхиаааа...

– Зачем пить водку, если у тебя на неё аллергия? – возмутился ещё какой-то пассажир.

– Аааааапчхиа, бля... Ааааааапчхиаааа, да что ты, сука... Апчхиаааааа...кха-кха-кха... хххх... тьфу!

Поезд тронулся, и больше никто не слышал чихания Владимира и возмущения пассажиров. Можно было только увидеть, как седой сильно выпивший мужчина дёргался, кривя рот, вытирая сопли рукавом куртки и плевался, а некоторые морщили в отвращении свои лица и отворачивались.

Возле Владимира и Андрея образовалось свободное пространство – люди стали пятиться и отходить в другие части вагона.

На меня всем было глубоко плевать. Я скромно стоял в стороне и думал о том, что в метро было бы круто вообще поселиться жить. Я и так тут частенько сплю и ем.

Бродишь где-нибудь, бродишь, потом спускаешься в метро, едешь на конец любой ветки, пересаживаешься в другой поезд, забиваешься в угол – и задрых до конца, потом встал, снова пересел и дальше дрыхнешь, так можно кататься до тех пор, пока свою норму не проспшишь. Только я ветки меняю, чтобы не запомнили. Мне стрёмно от мысли, что меня примут за бомжа или бича.

Я ведь могу найти и другое место для отдыха. Просто мне очень нравится здесь. Здесь я ближе к поездам. Я же не могу постоянно находиться на открытом воздухе и слушать звуки подвижного состава, как бы мне этого ни хотелось. Есть зима, а зимой за поездами не особо весело наблюдать, да и где? Такой большой поток только в метро, тем более в метро есть крыша над головой, всегда тепло и сухо.

Можно ещё по кольцу круги наматывать, высыпая свою норму, но я всё не решаюсь попробовать.

Один раз я случайно познакомился с каким-то сумасшедшим парнем. Я спал. Был вечер, меня разбудил крик чуть ли не в ухо: «Эй, прибавь-ка ходу, машинист!» Я открыл глаза и увидел перед собой чувака, который орал в устройство для связи с машинистом строчку из детской песни всякий раз, когда поезд сбавлял ход. Это занятие его сильно веселило.

Он постоянно передислоцировался, чтобы не спалиться. Мне это показалось очень забавным, поэтому на следующей станции я вышел следом за ним. Мы вместе зашли в другой поезд, поехали обратно, дождались, когда поезд сбавит ход, он нажал на кнопку, и мы заорали уже вместе: «Эй, прибавь-ка ходу, машинист!» Я докричать до конца не смог – начал громко смеяться.

– Господи, придурки какие, – сказала вслух одна женщина.

– Ну-ка хорош баловаться! – грубо донеслось нам в ответ из устройства.

Мы сразу же вышли на станции.

– Если ты сказал машинисту в это радио какую-нибудь херню, на следующей же станции именно в этот вагон зайдут серьёзные люди, а пассажиры сразу же сдадут того, кто концерты для машинистов устраивает, – пояснил он. – Это тормозит их работу, а люди же домой скорее хотят попасть, все злятся и нервничают, только единицы понимают такой юмор.

Так мы катались, наверное, час, было очень весело. Чего мы только не слышали в ответ. А один раз, услышав нашу просьбу, после небольшого молчания машинист выдал нам в ответ: «Скатертью, скатертью дальний путь стелется и упирается прямо в небосклон». Мы тут же подхватили и допели уже втроём: «Каждому, каждому в лучшее верится, катится, катится голубой вагон». «Голубой!» – проорал я напоследок и засмеялся ещё громче прежнего.

– Ладно, парни, мне работать надо, – смеясь, ответил нам машинист.

Мы сказали ему: «Спасибо, что подпел» и снова сменили поезд.

Больше я этого парня не видел.

– Что слышала, мама. Я сбил человека, – ещё раз повторил Женя.

– О господи! И что теперь? Тебя посадят?

– Нет, я не виноват. Там какой-то мужик спрыгнул на путь поссать, а я подъезжал.

– Господи боже мой. И что делать?

– Выплачивать из своего кармана семье пострадавшего компенсацию всю жизнь, – мрачно сказал Женя.

– Кошмар! – ахнула мама, закрыв рот руками.

– Да шучу я.

– Очень смешно. Так ты сбил или не сбил? Ну и шуточки у тебя, знаешь, – всё никак не могла разобраться мама в словах Жени.

– Сбил, но я не виноват. Тут другое. Мам, это всё, это край! Я убил человека. Убиил, – протянул Женя слово «убил», делая на нём акцент.

– Успокойся, Женя. Ты же не виноват. Работа у тебя такая...

– Людей сбивать?

– Опасная.

– Сраная у меня работа, – сказал Женя и поджал губы.

– Ну-ну-ну, всё, хватит, – она обняла сына и стала гладить его по спине.

– У меня очень тухлая работа, тухлая работа, – повторял Женя.

– Ну а куда ж милиция смотрит или кто там ещё должен смотреть?

– Дежурная по станции.

– Вот-вот. Где они-то все были? Камеры же всё снимают. За камерами не следит, что ли, никто?

– Нет, отдельного человека, который следит за камерами, нет. Не знаю я, где они все были, мама! Я знаю только, что работа у меня – жопа!

– Ну что-то же в ней всё равно хорошее есть, – успокаивала сына мама.

– Так, парень! Я тебя уже предупреждал. Второй раз повторять не буду. Либо успокаиваешь своего отца, либо через минуту выкину обоих. Понял?

Андрей кивнул.

– Командир, что ты разошёлся-то? – обратился к нему Владимир. – Вы все там сидите молча и молчите! А то нашлись тут. Ох, ох, ой-ой-ой. Да сам ты мудака! Понял? – вдруг заорал Владимир непонятно кому. – Нашёл кого пугать!

– Чего ты сказал? – стал заводиться недовольный пассажир. – Ты это мне сказал?

– Батя, закрой, на хуй, своё лицо! Ты меня уже достал! – проорал Андрей ему прямо в ухо.

– Молчать! – рявкнул Владимир. – Вы все тут ссыклопы! Уроды вонючие.

– ..... – Андрей проговорил несколько ругательств, пошевелив губами.

Станция.

– Достал уже! – повторил Андрей и стал подниматься, чтобы выйти из вагона.

– Куда? Сидеть! – Владимир попытался схватить сына за руку, но не дотянулся.

Андрей вышел, следом за ним вышел и главный негодующий пассажир, который грозился их высадить на этой станции. Вагон на секунду опустел наполовину, и сразу же зашли новые пассажиры.

Шатаясь, Андрей поднялся наверх, вышел из метро и глубоко вдохнул свежий воздух.

Голова шла кругом. Шум подземки сменился шумом города.

– Ой, ой, чурка! Чурка, чурка, чурочка, – запел кто-то слева.

Андрей повернул голову на «песню» и увидел четырёх скинхедов. Они не торопясь подошли к нему и окружили.

– Эй, нерусь! Драться давай, давай драться, – начал не очень сильно по-боксёрски бить его в плечо один лысый, при этом уклоняясь от невидимых ударов, будто Андрей ему отвечал.

– Я – русский, – сказал Андрей, дыхнув перегаром.

– Фуууу. Русские так не напиваются, – вступил в разговор второй.

– Давай драца, драца давай, драца-драца, – продолжал первый бить его в плечо.

– Русские ещё не так напиваются... – попытался пошутить Андрей.

– Ты мне тут не гони на мою нацию, чёрный! – оборвал его третий скинхед.

– Драц давай, чурка! Драц-драц, – продолжал дурачиться первый скинхед.

Андрей вяло поворачивал голову с одного на другого. Это простое действие у него получалось выполнить с большим трудом – он был пьян, едва держался на ногах, а голова сильно кружилась.

– Я – русский, – ещё раз повторил он.

– Ты – сраный чурка, – возразил ему второй скинхед.

– Я – русский, – начал спорить Андрей.

– Дрыц давай, – всё не отставал от него первый скинхед.

– Хачики ебаные – пидорасы сраные! – сказал третий и толкнул его в грудь.

Андрей качнулся, но устоял на ногах, набрал как можно больше воздуха в лёгкие и проорал что было сил:

– Я – русский, блядь!

– Русский блядь? – засмеялся четвёртый.

– Чего ты орёшь, нерусь? – второй подошёл на шаг ближе. – И не матерись мне тут на святой земле, пидорас!

– Дрыц-дрыц давай, – не успокаивался первый.

Андрей в очередной раз повернулся на того, кто набил на его плече здоровый синяк, и получил удар в челюсть от четвёртого. Тут же упал на асфальт.

На него посыпались беспорядочные удары ногами. Он не знал, как и чем от них закрыться. Закрывая затылок, он пропустил удар ботинком с металлической вставкой прямо в зубы. В живот, по рукам, снова в живот и в голову. Он не мог издать ни малейшего звука. Затем всё стихло.

И тут он услышал:

– Зиинииг, – крикнул один, вскинув руку.

– Хайль! – подхватили остальные трое.

При этом слове на него разом обрушились четыре ноги.

– Зииг, – проорал снова четвёртый скинхед, вскинув руку.

– Хайль! – крикнули остальные трое, и он снова получил одновременно удары от четырёх ног по разным частям тела.

Устав бить лежачего парня, бритоголовые повернулись и стали заходить в метро.

– Может, прошмонаем чурку? – предложил первый.

– Мне от неруся ничего не нужно, – брезгливо поморщился четвёртый.
Не обращая внимания на прохожих, они, весело смеясь, спустились вниз.

Я не знал, чем хочу заниматься в жизни. Можно было купить справку о том, что я здоров, можно было купить регистрацию и устроиться работать в метро, но у меня уже не было желания. Я решил остаться пассивным поклонником железной дороги, потому что моя детская мечта и мечта всей жизни была убита.

Можно было стать водителем автобуса, только я даже не собирался учиться водить машину. Можно было стать юристом, только это не моё. Можно было стать доктором. Или поваром. Только мне ничего из этого не было нужно.

Одно время я хотел стать драматургом. Хотел писать пьесы, но смог придумать только одного персонажа – дедушку Мда. У меня была задумка описать жизнь какой-нибудь семьи: папа, мама, сын, дочь и дедушка Мда, который жил с этой семьёй, редко вставал со своего места и всегда протяжно говорил хриплым старческим голосом только одну фразу «мдаааа». То есть на сцене это выглядело бы так.

Всё происходит в квартире Жабиных. Действие полупервое и последнее

Зал. Два кресла и диван, включён телевизор, шкаф-стенка. На одном из кресел сидит дедушка Мда, читает газету, на ногах лежит плед. В комнате из угла в угол ходит папа. Вечер.

Папа (*размахивает руками*). Где все?

Дедушка Мда (*встряхивает газету*). Мдаааааа.

Папа (*сжимает кулаки*). Твою мать!

Дедушка Мда (*кивает головой*). Мдаааааа.

Пауза. Вбегают дочь.

Дочь (*держит себя за живот*). Папа, я беременна от Максима.

Папа (*садится в свободное кресло*). Кто такой Максим?

Дочь (*горестно*). Макс... со второго подъезда...

Папа. Что?

Дедушка Мда (*встряхивает газету, качает головой*). Мдаааааа.

Папа. Мать знает? А где твой брат?

Вбегают мама с фотографией сына. На ней смазливый мальчик. Папа обращается к ней, мама к нему, они говорят в один голос.

Мама (*взволнованно*). Дорогой, только не волнуйся. Наш сын в тюрьме.

Папа (*успокаивающе*). Дорогая, ты только не волнуйся. Наша дочь беременна.

Родители замолкают, смотрят друг на друга и восклицают в один голос.

Папа. Что???

Мама. Что???

Дедушка Мда. Мдаааааа.

Все переглядываются, потом родители снова в один голос.

Мама. Кто отец?

Папа. За что сел?

В итоге это слышится как «отсосец?» Зрители начинают смеяться. Папа с дочкой переглядываются и говорят в один голос: «Максим».

Мама. Со второго подъезда?

Дочь. Да.

Мама. Аааааааа!!!!

Дедушка Мда (*ёрзает в кресле, шелестит громко газетой, ещё громче пукает и ещё громче хриплым голосом – почти орёт*). МДАААААА!!!!

Пауза.

Папа (*зажимает нос двумя пальцами, говорит голосом знаменитого переводчика*). За что сел?

Мама (*зажимает нос двумя пальцами, говорит голосом знаменитого переводчика*). Наркотики продавал.

Папа. Аааааааа!!!!

Дедушка Мда. Мдааааа...

итд, итп, занавес, второе действие, всё такое, на-на-на, пятое-десятое, все дела, туда-сюда, конец

Или это больше похоже на ситком?

Железнодорожника во мне убили, драматург из меня плохой, а больше я ничего и не мог придумать и не хотел этим заморачиваться. Не имел ни малейшего представления, кем хочу быть и чем себя занять.

Наверное, поэтому я любил подолгу находиться в метро – я прятался здесь в шуме поездов от жизни и от всех своих проблем, чувствуя себя спокойно. Я был как будто защищён, только непонятно от кого.

Я знал, что здесь меня всегда хорошо встретят. Как это кто? Поезда, конечно! Я уже прихожу в метро как к себе домой. Остаётся только громко произносить фразу с улыбкой и идиотским выражением лица, каждый раз заходя внутрь, расправляя руки: «I'm home!»

– Да, хорошее, может, и есть. Я как-то пел песню с пассажирами, – улыбнулся слегка Женя.

– Какую песню? – удивилась мама.

– «Голубой вагон».

– Опять шутишь?

– Ай, мам! Отвали! Вечно ты... Какая уже разница? – сказал Женя дрожащим голосом.

– Что за голубой вагон-то? – не понимала мама.

– Да песня детская! – раздражённо крикнул Женя.

– Господи, – развела руками мама.

– Короче, мама! Я сбил бухого старого хачика. Теперь я попаду в ад, но перед тем, как я туда попаду, он мне будет сниться в страшных снах. У меня пропадёт стояк, я сойду с ума и умру, а он всё будет сниться. А меня всё будет мучить совесть, а он будет сниться и сниться мне с бутылкой водки или что там хачики пьют – мацони. С бараном будет мне сниться и с кинжалом. Будет мне угрожать и произносить тосты! Хахахаха, – Женя истерично засмеялся. – Ааааааа! Мама! Я сойду с ума!!!! Я хачика сбил! Хахаха! – Женя резко махал руками в разные стороны, кричал и смеялся, по его щекам стали стекать слёзы. – Ааааааа, мама!!!! Сбил его, суку! Йа паднымаю этат бакал за Жженю, – с кавказским акцентом начал он. – Спасибо тебе, Жженя, что сбил меня метросостаумом. Адж! Харащё, хачу ищо, брат! Хахахаха, – он сел на пол в прихожей и тихо заплакал, обхватив голову руками.

– Господи боже мой! – мама побежала на кухню.

Было слышно, как она роется в шкафчике с лекарствами, затем наливает воду в стакан.

– Вот, Женя, выпей, дорогой, успокойся!..

Женя, всхлипывая, послушно выпил успокоительное прямо из маминых рук. Мама села с ним рядом, обняла его и стала гладить.

Поезд медленно сбавлял скорость. Владимир держал в руках вторую недопитую бутылку и что-то говорил себе под нос, поджимал губы и мотал головой.

– Воспитал на свою голову предателя. Сука. Мальчишка сраный. Отца предал, – шевеля губами что-то понятное только для себя, он полез в карман брюк, достал носовой платок, смо-

чил его водкой, развернул и стал засовывать в горлышко бутылки. Просунув его примерно на половину, он встал, вытащил из кармана куртки зажигалку и проорал всем пассажирам:

– Я вас всех сожгу, суки!! Всех взорву, твари! Поняли? Все слышали? Вы поняли, суки, бля? – он чиркнул зажигалкой, появился небольшой огонёк, он стал его медленно подносить к платку, торчащему из бутылки.

– Вызовите милицию! – закричал кто-то из пассажиров.

Началась паника.

Поезд остановился, слегка дёрнулся, Владимир не устоял на ногах и упал на одно колено. Двери вагона раскрылись, люди стали выбегать, толкая друг друга в спины.

Владимира тоже кто-то толкнул в спину, он упал на пол, уронив бутылку с платком. Её поднял кто-то из пассажиров, поднёс к носу и произнёс:

– Фу, да это же спирт! Ну ты, мужик, дал.

– Вот чурки, да, – обратился к нему другой пассажир, – везде теракты устраивают. Чего им спокойно-то не живётся? Слушай, друг, помоги мне, давай его быстренько из вагона выкинем...

– Придержите нам двери, пожалуйста.

Два парня резко подняли Владимира и поставили на ноги, он что-то говорил вслух про сына, но его никто не слушал.

– Седой уже, старый, а всё в шахида играет.

– Вокруг сектанты, обоссу вас всех, – еле выдавил из себя Владимир.

Его грубо вытолкали из вагона, он упал на платформу и остался там лежать.

Поезд уехал.

Стоял я уже где-то полтора часа. Примерно каждый двенадцатый человек перепрыгивал через турникет. Поток вечером здесь был совсем небольшой. Вдвоём – прижимаясь к впереди идущему – никто не проходил.

Дежурная тётя у турникета молча сидела на месте и провожала всех безразличным взглядом. Кого-то злым взглядом.

Может, это было мало, может – много. Может, это всегда так было, может, только в этот вечер, может, только в эти полтора часа или только на этой станции. Данных сухой статистики некорректных проходов как на этой станции, так и на других я, конечно, не знал и свою не вёл.

Чаще всего перепрыгивали молодые парни, затем быстро пробежали к эскалатору и, не сбавляя темпа, бежали по ступенькам вниз к вагону. Будто убегали от музыки, которая начала играть всякий раз, когда шторы турникета захлопывались. Постарше люди тоже попадались.

Были два нерусских элемента, совсем уж отмороженных на голову. Оба пьяные в... С такими неменяемыми выражениями лиц. Пьяные в... Два отморозня.

Первый шёл вперёд, тут ему резко дало по ногам шторками турникета. Думаю, удар был неслабый, а он даже не моргнул, просто отодвинул ногой одну шторку, затем другую и пошёл, второй место препятствия перешагнул и пошёл следом. Пьяные в... Один седой уже. Короче, в какаду!

– Эй, парень! Ты чего тут стоишь? Ждёшь кого-то?

Я повернул голову на голос – ко мне подошла дежурная турникета.

– Нет, не жду, – ответил я, мотнув головой.

– А чего стоишь? Грешься?

– У меня нет денег, чтобы пройти, – честно признался я.

Вот теперь я уже точно не смогу попасть к поездам и покататься. Сам себя сдал.

– Стоишь здесь уже весь вечер с жалобным видом, глаза мне мозолишь. Иди уже куда собирался, пойдём, пропущу. На беспризорника вроде не похож. Как на сигареты и выпивку деньги, небось, находишь. Давай, иди сюда, – она взяла меня за руку и подвела к турникету.

Я не знал, что сказать. Она приложила свою магнитную карточку и подтолкнула меня вперёд.

– Шагай, безбилетник.

Я прошёл турникет, обернулся, чтобы сказать «Спасибо», но понял, что сейчас разревусь, очень уж растрогала меня эта ситуация. Моргнув несколько раз глазами, я просто кивнул и изобразил жалкое подобие улыбки. Женщина махнула рукой и отвернулась.

Я прошёл к эскалатору.

Навстречу мне по соседнему эскалатору ехали какие-то бритые парни, то ли скинхеды, то ли футбольные болельщики или ещё кто-то (я совсем не разбираюсь в молодёжных течениях). Их было четверо, и они орали что-то про футбол:

Наш футбол, русский футбол —
Это радость, это гол!
Мастера высшего класса!
А другие нации – пидорасы, пидорасы! Хэй! Хэй!
Пидорасы, пидорасы! Хэй! Хэй!

На несколько ступенек ниже ехали сотрудники милиции, слушали эти кричалки и смеялись.

В вагоне было много пустых мест, но я не хотел садиться. Конечно, это почти самое начало ветки... или конец. Сюда вечером скорее прибывают, чем убывают.

Я подошёл к противоположной двери, на ней было нанесено краской «НЕ П.И.С.О... ТЬСЯ». Было непонятно – может, кто-то специально стёр несколько букв, может, она сама так истёрлась от разных спин.

Поезд поехал.

Я внял совету, придавил символичную надпись своей спиной, облокотившись на дверь, и стал смотреть на своё отражение в окне напротив.

До закрытия метро оставалось несколько часов.

2009 год

Мутный пассажир

Я спустился в метро по эскалатору и зашёл в вагон подъехавшего поезда, пропустив вперёд себя маленькую девочку. Сел на свободное место и пересёкся взглядом с высоким парнем возле двери – он был в будёновке и с аккуратной бородкой.

Посмотрев на меня, он улыбнулся и помахал мне рукой в кулаке, как бы говоря: «Но пасаран!» – потом повернулся к стеклу, и я заметил, что к капюшону на его куртке ещё были прикреплены какие-то лёгчицкие очки.

Я моргнул глазами и откинул голову назад, пытаюсь погрузиться в тяжёлый бит и грязный бас олдскульного джи рэпа.

Поезд поехал. Я не знал английского языка, поэтому не мог подчитать афроамериканским чувакам их незамысловатые тексты. Но я очень хорошо помнил места, где звучали все факи, мазафаки и сак май дики, поэтому шевелил губами всякий раз, когда в тексте проскакивала обценная лексика. А с другой стороны, учитывая, что в их телегах другие обороты и эпитеты встречались редко, то, наверное, можно сказать, что я всё-таки знал их тексты очень хорошо.

На следующей станции народа зашло больше, чем вышло, напротив меня аккуратно села бабушка в платке. Она была немного полновата, поэтому падала на своё место очень медленно. После этого она зыркнула глазами во все стороны вагона и остановила взгляд на мне. Точнее сказать, на моей руке.

У меня появилось ощущение, что она досконально изучила каждую линию и каждую тень на моём биомеханическом рукаве, может, даже тщательнее, чем я сам. Она так долго разглядывала мою руку, что даже не заметила, что я в этот момент пристально наблюдал за ней. Затем её взгляд постепенно начал подниматься выше и вдруг пересёкся с моим. Не знаю, что произошло в тот момент, но бабушка вздрогнула, будто заглянула в глаза своей смерти или, может, у меня член во лбу вырос, и после этого три раза перекрестилась.

Я улыбнулся, представляя себя в БДСМ-костюме дьявола с тридильцем в руках, и попробовал снова погрузиться в гангста-кач девяностых, закрыв глаза.

Поезд остановился. Меня сначала кто-то пнул по ноге, затем потряс за плечо. Я открыл глаза – мне что-то говорила растрёпанная женщина, показывая на маленькую девочку возле себя (я так понял, её дочку). Я её не слышал, посмотрел по сторонам – в вагоне больше не осталось свободных мест, и подумал, что она просит уступить место.

Я поднялся со скамейки и прошёл к дверям, встав напротив того самого парня в будёновке с очками. Он снова на меня посмотрел, улыбнулся и сделал кулаком «но пасаран!».

Поезд поехал, я взялся левой рукой за поручень наверху и продолжил вникать в суть текста, который был весьма экспрессивно прочитан злым чёрным братом.

На меня всё косились бабушка в платке, мама с дочкой и ещё несколько пассажиров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.